

КОНСТАНТИН КРИВЧИКОВ

КОНТРАКТ НА
СМЕРТЬ

Константин Кривчиков
Контракт на смерть
Серия «Миры Александра
Конторовича»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38983559

Аннотация

«В специальном медицинском кресле с креплениями на спинке, подлокотниках и ножках сидел огромный мужчина. Его горло обхватывал широкий кожаный ремень, прошитый для прочности толстыми синтетическими нитями; руки – у запястий и локтей – прижимали к подлокотникам стальные полусферы, заведенные концами в замки; такие же полусферы, отдаленно напоминающие дуги медвежьего капкана, намертво стреножили пациента в области лодыжек.

Впрочем, пациента ли? Или участника непонятного эксперимента?..»

Содержание

Пролог	4
Глава первая	10
Глава вторая	51
Глава третья	104
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Константин Кривчиков

Контракт на смерть

Посвящается читателям книжной серии Zona

31

Пролог

В специальном медицинском кресле с креплениями на спинке, подлокотниках и ножках сидел огромный мужчина. Его горло обхватывал широкий кожаный ремень, прошитый для прочности толстыми синтетическими нитями; руки – у запястий и локтей – прижимали к подлокотникам стальные полусферы, заведенные концами в замки; такие же полусферы, отдаленно напоминающие дуги медвежьего капкана, намертво стреножили пациента в области лодыжек.

Впрочем, пациента ли? Или участника непонятого эксперимента?

Из одежды у мужчины имелись лишь короткие черные трусы, оставлявшие на обозрение почти все тело – тело двухметрового исполина, бугрившееся узлами мышц и покрытое грубыми рубцами. Они превращали человека в монстра – ужасного и в то же время завораживающего своей звериной мощью. Не иначе как выдумщица-природа провела особый

эксперимент с целью доказать уникальные возможности венца творения – и во многих смыслах ей это удалось.

Ассоциацию с экспериментом усиливали долговязая человеческая фигура в темно-зеленом халате, расположившаяся в метре от кресла, а также круглый обруч из блестящего металла на голове исполина. К обручу присоединялся провод. Он, змеясь по полу, скрывался в щитке громоздкого прибора, похожего на осциллограф, с несколькими экранами. Прибор размещался на столе, за которым находился еще один человек в униформе болотного цвета – штанах и рубашке на выпуск. Пальцы его держали круглую ручку прибора, а глаза контролировали экраны.

– Как показатели сердечной активности, Гавел? – отрывисто бросил человек в халате.

– У верхней границы, профессор.

– А коры головного мозга?

– Немного выше нормы, – отозвался ассистент.

– Хм...

Профессор прижал указательный палец к подбородку и замер. Он внимательно наблюдал за мужчиной в кресле. А тот... Тот сидел почти неподвижно, но сильно напрягшись. Это было заметно и по мышцам, и вздувшимся, пульсирующим венам. Лицо, покрытое светлой щетиной, взмокло от пота, глаза прикрыты, зубы сжаты, косой шрам на щеке побагровел.

– Хм... Добавь-ка еще киловатт. Десять единиц.

– Профессор, но уже и так девяносто. Сердце может не выдержать.

– Наука требует жертв, Гавел, – с насмешкой заметил профессор. – На то и нужен расходный материал, чтобы устанавливать границы допустимого. Или ты его пожалел?

– Что вы, господин Шмутко! Я не это подразумевал.

– То-то. Слова «жалость» не должно быть в лексиконе ученого. Да и в сознании. Эмоции – атавизм, которые лишь мешают постигать суть вещей.

Внешне профессор казался спокойным. Но блуждавшая на губах «потусторонняя» улыбка, розовые пятна на щеках и раздувающиеся крылья носа выдавали высокую степень возбуждения.

– Я понимаю. Но вы же сами говорили, что Дракула – уникальный экземпляр. Кому нужно, чтобы его хватил инфаркт?

– Инфаркт? – Профессор машинально поправил очки с массивной позолоченной дужкой. – Инфаркт... Нет, подобное развитие событий будет преждевременным. Дракула нам еще понадобится... Пожалуй, я погорячился. Пяти единиц на сегодня хватит. Давай.

Пальцы ассистента повернули ручку, увеличивая напряжение тока. Голова исполина дернулась, тело начало выгибаться, глаза приоткрылись, выражая гремучую смесь муки и ярости. Еще через мгновение он хрипло застонал, на губах запенилась слюна.

– Все, достаточно! – выкрикнул Шмутко. И, выдохнув, уже спокойней продолжил: – Хорош, вырубай ток. А то и вправду окочурится. Подай ему воды!

Гавел вскочил со стула, схватил со столешницы пластиковую кружку и, подбежав к Дракуле, плеснул ему водой в лицо. Затем уважительно произнес:

– Всего второй раз слышу, чтобы он застонал. Крепкий орешек! Как думаете, мы достигли порогового значения?

– На текущий момент – да, – медленно, нараспев протянул профессор.

– Вы думаете... – Ассистент в растерянности приоткрыл рот. – Вы полагаете, что это еще не предел?

– А почему это должно стать пределом, Гавел?

– Потому что уровень нагрузки и без того очень высок. Смертельно высок для любого человекоподобного существа.

– Не для любого, а для обычного. – Шмутко хмыкнул. – Ты забыл, что у Дракулы изначально был чрезвычайно высокий болевой порог? Мы ввели маленькую дозу препарата, процесс инфицирования только начал развиваться. То ли еще будет!

– Полагаете, препарат сделает его совсем невосприимчивым к боли?

– А препарат для того и создавался. Снижение чувствительности болевых сенсоров есть прямое следствие заражения. Возможно, не самое главное, но одно из основных. Заказчику требуются человекоподобные особи нового форма-

та...

Шмутко покосился на Дракулу – тот с хрипом дышал, свесив голову к плечу – и с брезгливостью продолжил:

– В общем, нам требуются мутанты – внушаемые, неприхотливые, агрессивные, не боящиеся боли... Кстати, о боли. Как там наш подопытный кролик?

Он взял со стеклянного столика, стоявшего рядом с креслом, инструмент, похожий на шило. Оценивающе взглянул на «кролика». И неторопливо, фиксируя реакцию Дракулы, проткнул его правую кисть в месте соединения пястных костей большого и указательных пальцев. Проткнул насквозь и поворачивал, продолжая хищно наблюдать за лицом жертвы.

– Эй, дружище, ты как? Очухался?

Прикрытые веки Дракулы дрогнули и приоткрылись. Но сам он при этом не издал ни звука – только слегка поморщился. Посмотрел мутным, ничего не выражающим, взглядом на мучителя и снова прикрыл глаза.

– Очухался, – с удовлетворением констатировал профессор. – Молодец, я на тебя надеюсь. Такой экземпляр не стыдно и самому высокому гостю показать.

– У нас ожидаются высокие гости?

Шмутко многозначительно помолчал, словно не услышав вопроса ассистента. Затем процедил, выпячивая губы:

– Сугубо между нами. На днях ожидается визит сэра Джошуа Лансерта...

– Самого президента «Байофарм технолоджис»? – не сдержавшись, перебил ассистент.

Профессор с укоризной покачал головой и продолжил:

– Сэра Джошуа Лансерта и высокопоставленного гостя из правления корпорации. – Он ткнул пальцем вверх. – Из Лондона. Мы должны показать товар лицом, Гавел. Тогда заказчики увеличат финансирование. Дракула – наш козырный туз. И он должен сыграть... Вызови санитаров – пусть отвезут его в бокс.

– Завтра с ним работаем? – Помощник уже сидел за своим столом, готовый занести указания профессора в ежедневник.

– Нет. Дракулу не трогаем вплоть до визита комиссии. Проследи, чтобы его кормили по первому меню – пусть наберется сил. И-и... пожалуй, можно его чем-то поощрить. – Шмутко неопределенно повертел рукой в воздухе. – Заслужил – получи, у нас все по-честному.

– Чем поощрить, профессор?

– Пока не знаю. Надо проявить фантазию.

Глава первая

Западня

Все-таки она очень боялась. Даже сейчас, уже миновав проходную биохимзавода и вроде бы получив возможность расслабиться, она продолжала нервничать. Более того, откуда-то изнутри возникла мелкая противная дрожь. Ну а потеть, как цуцик, она начала еще на заводе – и когда переносила материалы на флэшку, и когда к ней неожиданно подошел и завел разговор начальник отдела, ну и на проходной, конечно.

Почему-то ей показалось, что охранник смотрит на нее с подозрением, и до того расклеилась, что лишь с третьего раза точно поднесла пропуск к считывателю турникета. Хотя – уже позже врубилась – охранники всегда на нее пялились. Работа-то у них скучная по большому счету. Только и остается, что на фигуристых девок заглядываться.

С фигурой у нее все было в порядке – и спереди, и сзади. А для полного эффекта – чтобы уж если разить, то наповал – всегда носила мини. Даже в морозы, разве что шерстяные рейтузы надевала. А чего?

Возраст все ближе к тридцати, пора личную жизнь капитально устраивать. В первый раз не получилось, но мы не привыкли отступать перед трудностями. Потому и с Лифши-

ным, блогером этим самым, закрутила. Потому и на уговоры его поддавалась, ввязавшись в авантюру.

Если бы заранее представляла насколько это опасно и мандражно, то не в жисть бы не подписалась. Но такой уж у нее характер – сначала рефлекс, а потом осмысление. Импульсивный, короче говоря, характер.

Павел, бывший, так и говорил. Ты, говорил, мать, каким-то другим местом думаешь, не тем, чем нормальные люди. Потому и правильная мысль у тебя всегда приходит опосля. Когда уже думать поздно.

Теперь-то, два года спустя, стало ясно, что Павел вовсе не плохой мужик был. Не самый плохой. А местами даже и хороший. Однако развелись уже, чего о прошлом жалеть? Да и нельзя в эту самую воду войти дважды. Вот и связалась с Семеном. Или с Симеоном, как он себя в блоге кличет.

Мужик-то он с размахом, пыль в глаза умеет пустить. И рискованный, судя по всему, с таким не соскучишься. Да и при деньгах. А для нее денежный вопрос всегда значил очень много. Время такое, без бабосов никуда, особенно для слабой женщины. Если она, конечно, хочет жить красиво, а не прозябать.

Так что, Лифшин подвернулся вовремя. На охотника и зверь бежит. Правда, как всегда среагировала на инстинктах. Физиологически, короче, среагировала. Если бы понимала сразу, что это так рискованно, то... Ну теперь уже поздно отступать. Или пан или пропал.

Было бы, конечно, куда проще скинуть информацию по Интернету, не заморачиваясь с флэшкой. Да вот только компьютерная сеть на заводе не имела внешнего выхода. У начальства-то Интернет, разумеется, фурычил, как и прочие виды связи. А вот для рядовых специалистов вроде нее такое удовольствие было заказано. Мобильники, те и вовсе сдавались на проходной. Якобы в целях того, чтобы сотрудники не отвлекались от трудового процесса.

Ага, не отвлекались! Так вам и поверили! Все понимали, что дело не в заботе о высокой производительности труда, а в повышенных мерах безопасности. В секретности, короче. Понимали, да помалкивали. Потому что никто не хотел потерять высокооплачиваемую работу. Очень даже высокооплачиваемую – чего уж тут говорить.

Ладно, хватит дергаться, как уж на сковородке, сказала она себе. Ты на улице, служба безопасности теперь не достанет. Если бы прочухали чего, то захомутали бы еще на территории завода. Поэтому нечего трястись. Всего-то и осталось – передать флэшку Семену.

Дальше – его забота. Пусть продает, как обещал, за большие бабки. А она свою часть работы выполнила. И так чуть не описалась со страху. Наверное, лучше вообще теперь уволиться с Биохима. Но не сразу, чтобы лишних подозрений не вызывать. Вот с Семеном сначала все обсудим и...

Она остановилась на тротуаре, посмотрела на часы и вытащила из сумочки мобильный. Вызвала номер любовника.

Тот откликнулся практически сразу, после первого гудка. Ждал, значит.

– Я слушаю, Зина, – произнес коротко. – Ты где?

– Только что вышла с работы. На улице, короче.

– Все в порядке?

– В порядке. Перенервничала, правда, чуть инфаркт не хватил. Ты представь...

– Я все понимаю, лирику потом обсудим, – перебил блогер. – То есть товар при тебе?

– Ну да, разумеется.

– Тогда действуем по плану. Встречаемся, там все обговорим.

– А ты где сейчас?

– Недалеко, скоро подъеду. Все, до встречи.

Семен отключился, не дав ей сказать даже несколько фраз. А хотелось. После такой нервотрепки очень хотелось выговориться. Мог бы и пожалеть, поблагодарить хотя бы. Мужики, они все такие, нечуткие и не благодарные. Козлы, в общем.

Впрочем, возможно, он прав. Сначала она должна передать флэшку, тогда и гора с плеч. Потом сразу в ресторан – обмыть успех и снять стресс. Только вот пропотела вся, как цуцик. Под душ бы сначала...

Семен Лифшин сказал неправду. Пусть и относительную, но неправду. Он и на самом деле находился неподалеку от

Зины. Только вот ехать никуда не собирался, потому что заранее решил – дойдет до места встречи пешком. Ведь до сквера с памятником Героям Революции всего десять минут ходьбы. Заодно можно проследить за девушкой. Точнее, за тем, не сел ли ей кто на хвост.

Лифшин изначально понимал, что добыть информацию о секретных разработках, которые – по сведениям из надежных источников – велись на Биохиме, задача не только очень сложная, но и рискованная. Значит, чревата неприятными последствиями. Ребята в службе безопасности ушлые и злые, пронюхают – церемониться не будут. И не договоришься похорошему, потому что одни иностранцы, пусть, в основном, и из ближнего зарубежья. Как, к слову, и в частной военной компании «Тор», обеспечивающей охрану объектов концер-на.

Однако сам Семен рисковать не любил, предпочитая загребать жар чужими руками. Потому и привлек к операции Зину Корзун, работавшую на Биохиме в отделе технического обеспечения. Охмурить разведенную блондинку было несложно – у нее на лице читалось, что одинокая женщина мечтает познакомиться. Остальное – мастерство и немного удачи.

Ну и деньги с дорогими подарками, конечно, сыграли свою определяющую роль. То, что барышня на них очень падка, как и на комплименты, Лифшин просек быстро, еще при первом знакомстве в ночном клубе. Да и кто на такое не

падок, особенно среди смазливых девиц, привыкших к мужскому вниманию?

Сложнее было уговорить Зину на, в общем-то, криминальное деяние – копирование секретных документов по разработке некоего медицинского препарата. Далеко не каждая женщина согласится примерить на себя ампула Маты Хари, зная о том, чем и как она закончила. Однако Зина оказалась любительницей авантур и согласилась относительно быстро – особенно после того как узнала за какую сумму можно затем продать документы.

И все, в общем-то, срослось. Если первая порция материалов, добытая девушкой, особой ценности не представляла, то сегодня она несла на флэшке настоящую бомбу. Ну, или золотое яйцо – смотря с какой стороны посмотреть.

Оставалось забрать «яйцо» у Зины. И хотя задача казалась, на первый взгляд, пустяковой, Лифшин не форсировал процесс. Береженого бог бережет – эту старую мудрость Семен знал с детства, бабушка не раз повторяла. И правильно делала – внуков надо учить уму-разуму.

Блогер заранее занял удобный наблюдательный пункт на втором этаже торгового комплекса, расположенного напротив офиса БХЗ. Отсюда отлично просматривались и вход в здание, и примыкающая стоянка автомобилей, и площадка со скамейками, и тротуар... Семен зафиксировал Зину, едва она появилась из дверей офиса, видел, как девушка медленно спустилась по ступенькам широкого крыльца и неуверенно

но двинулась по тротуару, как достала из сумочки мобильник и позвонила...

Сейчас, оборвав разговор, Лифшин наблюдал за тем, как Зина споро шагает по тротуару на противоположной стороне улицы, удаляясь в направлении сквера. Пока что Семен не замечал чего либо подозрительного. Дождавшись, когда девушка свернула за угол, он уже собрался покинуть свой пост, чтобы, спустившись на первый этаж, выйти на улицу. И вдруг замер.

Его внимание привлек мужчина средних лет в неприметном сером костюме. «Серый» неожиданно появился на том же перекрестке, который с десятков секунд назад – перед тем как завернуть налево – миновала Зина. Появился и тут же пропал за углом из вида, направившись в ту же сторону, что и девушка.

Лифшин не сразу сообразил, откуда взялся мужик в сером. Но он его узнал – потому что заметил раньше, когда тот сидел на скамеечке около здания офиса. Сидел долго, как минимум, все то время, пока блогер занимал свою позицию на втором этаже торгового комплекса.

Когда Зина вышла на крыльцо офиса, Семен переключил все внимание на нее и как-то упустил «серого». Скорее, просто забыл о нем. А тот, видимо, перешел на другую сторону улицы к торговому центру и двинулся вдоль него – в том же направлении, что и Зина. Параллельным курсом, так сказать. Вот почему Лифшин его какое-то время не видел.

Семена прошиб холодный пот. Неужели... Или просто совпадение? Или мужик вовсе не тот, а похожий на того, что сидел на скамейке? Ну да, мало ли людей среднего возраста и среднего роста в серых костюмах бродят сейчас по городу? Светловолосых, лысоватых и со свернутой газетой в руке...

Блогер спустился на эскалаторе на первый этаж, пересек фойе, вышел на улицу и побрел по тротуару. Именно что побрел. Он не торопился, так как точно знал, где ждет его Зина. Да и не было сейчас никакой нужды торопиться. Наоборот. Следовало держаться в отдалении от девушки, чтобы не привлечь нежелательного внимания. Даже случайно.

Если подозрение оправданно, то тип в сером костюме почти наверняка будет крутиться вокруг сквера. А если не будет, то...

Зина прождала на скамеечке в сквере около десяти минут. За минувшее время успела успокоиться, но потом снова занервничала. «Мог бы и побыстрее подъехать, – подумала с раздражением. – Я тут весь день на нервах, извелась вся, принесла все, можно сказать, на тарелочке, а он корчит из себя делового. К тому же сказал, что находится неподалеку и скоро подъедет. А сколько уже натикало?»

Она посмотрела на часы. Ого, минут пятнадцать прошло, не меньше. И это называется «скоро»?

Невдалеке, через пару скамеек от Зины, присели два мужика бомжеватого вида. Один, воровато обернувшись, вы-

нул из полиэтиленового пакета водочную чекушку и пластиковый стаканчик. Передав «тару» приятелю, извлек следом пирожок.

«О, господи, только алкашей еще здесь не хватало! – Зина едва не застонала. – Устроят распивочную, а затем еще кадрить начнут. Все, звоню! И если через пять минут не объявится, то встаю и ухожу домой. Пусть сам гоняется за мной, петух питерский».

Она достала сотовый, вызвала номер Семена, но телефон любовника не ответил. Погудел, наверное, с десятков раз, и вообще заглох...

Семен так и не засек типа в сером костюме, пока двигался по направлению к скверу. Это являлось обнадеживающим обстоятельством. Однако в сквер Лифшин заходить не стал. Напротив на другой стороне улицы находилось кафе, где он бывал с Зиной. Сейчас блогер устроился за столиком налетней террасе лицом к скверу и стал наблюдать.

Девушку он не видел – мешали деревья, а, возможно, и памятник, если она расположилась за ним. Но по всем раскладам Зина должна была находиться там. Куда она денется, они же договорились.

События Семен не торопил – подождет, не сахарная. Материалы при ней и никуда не уйдут, а подстраховаться не мешает. Однако просидел он так недолго – едва официант принес кофе, как замурлыкал айфон.

Лифшин посмотрел на экранчик и увидел то, что и ожидал увидеть – номер любовницы. Несколько секунд Степан колебался. И пока он колебался, вызов прервался. «Надо, наверное, перезвонить, – подумал Лифшин. – Некрасиво получается с моей стороны. Да и она запаниковать может, истеричная деваха».

Он уже поднес палец к значку кнопки на сенсорном экране, но так и не нажал на него. Потому что обнаружил «серого». Тот внезапно появился из-за развесистого дерева на противоположной стороне улицы и прогулочным шагом двинулся по тротуару.

Шел он без газеты. Пиджак, к слову, снял и нес теперь, перекинув через руку. И прогуливался не один. Рядом с лентой шагала женщина в голубеньком платье в горошек. Однако Лифшин без сомнения опознал того самого мужика, ошивавшегося около офиса – светловолосого, с залысинами. И под ложечкой неприятно засосало.

Нет, все могло оказаться стечением обстоятельств. И рассудком Лифшин понимал, что фактору «серого» даже навскидку находилось полдюжины объяснений, а его собственное поведение отдавало паранойей. Все так – если бы речь не велась о секретных разработках и крайне неприятной перспективе знакомства со службой безопасности Биохима...

Через пять минут Зина снова попыталась дозвониться Лифшину, и он снова не откликнулся на звонок. Это уже ка-

залось странным. Как минимум – свинским. Они же заранее договорились о встрече! И Семен подтвердил ее. И обещал, что скоро подъедет. Жаль, что она не уточнила время. Но и он должен понимать, что она нервничает и переживает. Разве не козел?!

Бомжи успели принять по парочке стопариков и теперь курили, развалившись на скамейке. Да еще и весело переговаривались, поглядывая на фигуристую деваху. Уроды! Пьют, курят в неподобающем месте и хоть бы хны. Куда эта долбанная полиция смотрит?

И вдруг ее посетила неожиданная мысль. Настолько неприятная, что у Зины на мгновение сбилось дыхание, и она вновь почувствовала, что потеет. А если с Лифшиным случилось нечто серьезное? И не просто, там, в аварию попал, а куда круче и опаснее. *Вдруг – его – задержали???* Кто задержал? Понятно, кто! Эти самые, эсбэшники.

Зина посмотрела на алкашей. Не такие уж они и бомжи, вполне чистенькие и даже без особой щетины. А у того, который разливает, еще и обручальное кольцо на пальце. Бомжи или конченный алкаш давно бы пропил. И чего они так на нее пялятся? Бабу в мини-юбке, что-ли, давно не видели?..

Неужто они следят за ней?

Зина с трудом подавила желание немедленно встать и уйти. В конце концов, не надо поддаваться панике, – подумала она. Почему они должны обязательно быть шпиками? Тут и другие люди есть. Вон, бабулька с коляской... А вдруг она

тоже из *этих*? И в коляске у нее не малыш, а гранатомет. Видела такое в одном фильме, ха. Ха-ха...

Надо что-то делать. Еще раз позвонить этому идиоту? А вдруг его и на самом деле повязали парни из эсбэ? Что тогда? Она ну совершенно не позаботилась о подстраховке. Прав был Павел – мозги не в том месте. Ниже пояса, короче.

Позвонить матери? И что ей сказать? Да и чем поможет бывшая учительница математики в подобной ситуации?

Так что же делать? Просто встать и отправиться домой? С флэшкой, которая может нести смертельную опасность?

С другой стороны, если задержали Семена, то почему до сих пор не взяли ее? Выслеживают сообщников? Или слишком людное место, ждут подходящей ситуации? А она чего ждет?

* * *

– Лиза, я покину тебя на пять минут, ладно? – Павел подмигнул девушке. – Можешь пока мороженное заказать. Или сразу пойдем?

– Я бы еще посидела здесь. Не хочется мне мороженного, мечтаю о другом. Хотя бы потанцевать от души. – Лиза воркующе рассмеялась.

– Мечты сбываются. Если не хочешь мороженного, давай возьмем шампанского. После него танцуется лучше.

– Ты же за рулем.

– От пары фужеров ничего не случится. А гаишники мне не страшны. Так как?

– Я от шампанского никогда не отказываюсь. – Лиза эротично облизнулась. – Гулять так гулять.

– Тогда замetano. Кстати, куда сегодня идем – ко мне или опять к тебе?

– Лучше к тебе, до тебя ближе.

– Договорились. Не скучай тут без меня.

Он снова подмигнул и направился к туалетной комнате.

* * *

Семен не ответил на повторный звонок Зины. Он представлял, что испытывает сейчас девушка: сидит как на иголках, нервничая с каждой минутой все сильнее, и теряется в предположениях. И все равно не мог решиться. Ему вдруг пришла в голову пугающая догадка – а если телефон Зины взят на прослушку? Эсбэшники вполне смогут подобное сделать, коли сотрудник начал вызывать у них подозрение. И тогда они начнут проверять все связи.

Он-то, конечно, не дурак, и кое-какие меры предосторожности предпринял. В частности, всегда общался с Зиной по левой мобиле. Очень удобно, в особенности, когда барышня начинает надоедать – выкинул паленую «симку» и купил новую у хачиков. Так что, так просто его не пробить.

Но если телефон Зины на прослушке, то эсбэшники могут

запеленговать местонахождение абонента. И тогда его повяжут в удобный момент. Или элементарно грохнут, чего тоже исключать нельзя.

Так как же поступить? Позвонить, предупредить Зину, тут же выбросить «симку» и сменить дислокацию?.. Нет, одной «симкой» здесь не отделаешься, надо выбрасывать телефон. А стоит ли овчинка выделки?

О чем он предупредит Зину? О том, что за ней следят? Она запаникует, избавится от флэшки. А там такой шикарный материал! Все пойдет коту под хвост. А слезки, возможно, вовсе не было, померещилось.

Может, просто перенести время встречи? И потом встретиться с Зиной у ее дома? Нормальный вариант, если за ней, опять же, не следят.

У Лифшина было дурное предчувствие. И возникло оно еще до того, как он засек подозрительно мужика в сером костюме. Не зря он с самого утра нервничал, ох, не зря. Чувствовал, значит, что-то. А предчувствиям надо доверять, так учила бабушка...

Зина еще раз перезвонила Семену, и когда он снова не ответил, набрала номер Павла Данилина. Она очень редко общалась с бывшим супругом после развода, и даже удалила номер его телефона из контактов – чтобы не забивать их лишней информацией. Но почему-то до сих пор помнила номер Павла наизусть. Причуды памяти, однако.

Как назло, Данилин тоже не ответил. Его телефон не был отключен, не находился в зоне недоступности, однако Павел не отозвался. Тогда она отправила эсэмэску: «Перезвони срочно! Очень нужна твоя помощь! Пожалуйста».

Затем встала, взглянула напоследок на алкашей, чтобы запомнить рожи и покинула сквер. Она решила поехать домой, на квартиру матери, где жила после развода.

* * *

– Тут тебе звонили, – Лиза кивнула на мобильник Павла, лежавший на столе. – Долго звонили, кто-то тебя упорно домогается.

– Уж сразу и домогается? Сейчас глянем.

Данилин сел за стол и активировал экранчик смартфона. Лицо посмурнело.

– Только не говори, что это по службе, – сказала Лиза. – Я тогда застрелюсь. Вечно у тебя то понос, то... Извини.

– Ничего, я не обиделся. Расслабься, это не по службе, – Павел мотнул головой, переключаясь на чтение эсэмэс. – Так, один клиент... Но это совсем не срочно.

– Значит, вся ночь сегодня наша?

– И вечер тоже. Я заказываю шампанское.

Данилин махнул рукой, подзывая официанта.

«Чего это Зинка вдруг обо мне вспомнила? Даже восклицательный знак поставила, да еще и „пожалуйста“, – поду-

мал, скрывая раздражение. – Какой на этот раз петух в задницу клюнул? Пусть не надеется, я ей не „Скорая помощь“. Подождет до утра, если что. И вообще, надо выключить, к черту, мобилу. А то Лиза и на самом деле обидится».

* * *

– Босс, непредвиденные обстоятельства, – голос старшего группы Унгера слегка подвывал от эфирных помех. – Объект уходит из сквера.

– Что, встреча не состоялась? – тут же отозвался капитан Дитц. – Почему? Мы же слышали, как они договаривались.

Начальник службы безопасности биохимического завода лично руководил операцией из своего кабинета. Утечку секретной информации требовалось пресечь быстро и жестко – так, чтобы надолго отбить охоту у всех потенциальных любителей совать носы в дела концерна. Уж слишком многое поставлено на карту в игре, которая велась на самом высоком уровне. Таким, что Маркус Дитц мог лишь о нем догадываться – туда его попросту не допускали.

– Похоже, что клиент на встречу не явился, – пояснил Унгер.

– Почему? Неужели почувствовал слезку?

– Не знаю, босс. Но он больше не выходил на связь. Замолчал и все... Так что будем делать? Пускаем за объектом хвост?

Дитц побарабанил пальцами по столу. Надо было принимать решение. И такое, которое исключало прокол.

– Нет, – произнес твердо. – Мы не можем рисковать. У нее слишком важная информация. Действуем по плану «б».

Переключив канал связи, Дитц спросил:

– Бредли, вы пробили номера, по которым звонила Корзун?

– По первому номеру пока глухо. Но мы работаем, босс. По второму только что удалось установить абонента. Это... сейчас посмотрю... Ага, это Павел Данилин. Живет в Санкт-Петербурге, имеется домашний адрес.

– Неплохо. Другая информация есть?

– В том-то и дело, что есть. Нам тут немного повезло. Этот Данилин – бывший муж Корзун. Вы знаете, мы собирали на нее досье. Так вот. Данилин раньше работал в полиции, сейчас служит в детективном агентстве.

– Вот как, – пробормотал Дитц. – Частный сыщик, значит... Не нравятся мне такие взаимосвязи, Бредли.

* * *

Семен все же решил отзвониться Зине, чтобы перенести встречу. Он оттягивал принятие решения, как и все чересчур осторожные люди. Иными словами – он был труслив, несмотря на кропотливо создаваемый имидж блогера-правдоруба. И сейчас рассуждал так. Тип в сером костюме вместе

со своей подружкой больше не появлялся – это обнадеживает. Но тревожное предчувствие остается, и это не есть хорошо. Следовательно, лучше перебдеть, чем...

Лифшин расплатился с официантом. Отойдя от кафе метров на пятьдесят, остановился, достал из барсетки телефон. И в этот момент заметил Зину. Она вышла из сквера и направилась по тротуару в противоположном – слава богу! – от Семена направлении.

«Надо немного повременить, – подумал блогер. – Пусть подальше отойдет. Заодно прослежу, не приклеится ли кто за ней снова».

Он стоял и смотрел Зине вслед, когда ее обогнал черный джип. Обогнал и остановился в нескольких метрах впереди. Из автомобиля шустро вылезли двое мужчин в светлых костюмах и приблизились к Зине. Один из мужчин вроде бы протянул – так показалось Лифшину – какое-то удостоверение. Затем второй мужчина взял девушку под руку и подвел к машине.

Зина двигалась заторможено, как сомнамбула, не оказывая заметного сопротивления. На глазах остолбеневшего Лифшина девушку то ли посадили, то ли впихнули в машину, и та сразу уехала вместе с таинственными незнакомцами в светлых костюмах.

– Капец котенку, – еле слышно пробормотал Семен побелевшими губами.

Закончил мысль уже про себя: «Надо рвать когти из Ста-

ропетровска. И срочно рвать – пока Зинка не проболталась обо мне. В Питере необходимо заныкаться хотя бы на пару дней – до прояснения ситуации. Не надо было мне светиться перед Зиной, что я популярный блогер. Ох, не надо было! Теперь меня легко вычислить».

* * *

– Ты все мне расскажешь, стерва! И чем подробней, тем будет лучше для тебя. Ну?!

Зину допрашивали в кабинете Дитца – сам Маркус. Привезли, кинули в низкое кресло и начальник СБ приступил к допросу. Потому что терять время нельзя – приближались очень важные события. И утечка секретной информации накануне их грозила не только срывом важной операции, но и глобальным международным скандалом.

Выглядела Зина неважно. При задержании она попыталась вырваться, несмотря на приставленный к боку пистолет. И тогда один из эсбэшников сдуру применил электрошокер. Ладно хоть разряд оказался слабым, и девушка не потеряла сознания. Но получила кратковременный паралич конечностей и, естественно, малость поплыла.

После чашки очень крепкого кофе в кабинете Дитца Зина почти что вернулась в нормальное состояние. И это ей, скорее, повредило. Решив – после кофе – что имеет в лице Маркуса дело с цивилизованным европейцем, девушка потребо-

вала адвоката, сославшись зачем-то на Гаагскую конвенцию. И тут же схлопотала от начальника эсбэ хлесткую пощечину.

– Ну?! – округлив красноватые глаза с бесцветными ресницами альбиноса, повторно рявкнул Дитц. – Ты собираешься отвечать на мои вопросы, сука?

– Не ори на меня, козел! – собрав в кулак все мужество, выкрикнула Зина. – Я знаю свои права! Здесь тебе не гестапо, сволочь белобрыся.

Маркус на мгновение опешил. Затем ловко хлестнул девушку двумя пальцами над верхней губой. Зина вскрикнула, голова ее откинулась назад, из рассеченной губы тонкой стрункой зазмеилась кровь. Девушка непроизвольно схватилась ладонью за рот и с испугом посмотрела на эсбэшника. На глазах выступили слезы.

Дитц взял Зину за ухо и, наклонившись к ее лицу, процедил:

– Дошло, шлюха? Ты – поганая шпионка, и никаких прав у тебя нет. Ты что-то упоминала о гестапо? Будешь ерепениться, я тебе все устрою – и гестапо, и НКВД. А потом тебя заживо сожгут, как в Аушвице.

Он помолчал и уже спокойно добавил:

– У тебя есть последний шанс договориться со мной по-хорошему. Иначе тобой займется Курт. – Дитц кивнул в сторону рыжеволосого крепыща в серой униформе, молча стоявшего в стороне. – Он отведет тебя в комнату, где есть много интересного. Дыба, крючья, щипцы, спицы, иголки... И

даже стальной зазубренный кол в духе старой доброй инквизиции... Так мы договорились? Или отдать тебя Курту? Он давно не развлекался с такими цыпочками.

– Я поняла, – подрагивающим голосом выдавила Зина. – Что значит – по-хорошему договориться?

– Вот это уже походит на серьезный разговор, – с удовлетворением заметил Дитц. – По-хорошему то и значит, что не по-плохому. Расскажешь все добровольно – обойдемся без пыток и боли. Уяснила?

– А потом? Вы меня... убьете?

– Смотрю, ты умнеешь прямо на глазах. – Начальник службы безопасности криво усмехнулся. – Жить хочешь? Понимаю. Мне вовсе незачем тебя убивать. Подпишешь кое-какие документы и будешь дальше работать на нас. Это называется «сделка с правосудием». – Он снова усмехнулся.

– Я поняла. Не надо меня отдавать Курту. – Зина всхлипнула и, окончательно сломавшись, расплакалась. – А что... что именно я должна... рассказать?

– Все, что касается твоей шпионской деятельности. Кто тебя надоумил копировать секретные материалы и зачем? Кто твои поделщики? И так далее. Я спрашиваю – ты честно и детально отвечаешь... И учти – обмануть меня не получится. Слышала о сыворотке правды?

Зина кивнула.

– Так вот, у нас есть своя такая сыворотка. Мы ее тебе вколем сразу после нашего разговора. Для контроля, так ска-

зять. И если выяснится, что ты соврала или о чем-то умолчала, тогда не обессудь. Тогда с тебя сдерут кожу.

Дитц посмотрел на Курта и распорядился:

– Свяжись с профессором. Пусть через часок подошлет сюда своего помощника. Этого, как его...

– Гавела, – подсказал Курт.

– Ага, его. Скажи, что нам вскоре понадобится АВ-13, чтобы разговорить одного... хм, пациента.

* * *

Лифшин добрался до центра Петербурга в одиннадцатом часу вечера, изрядно постояв в пробке на Ленинском проспекте. Конкретного плана действий он так и не придумал, хотя и перебрал в голове с десяток вариантов. Но первый пункт в плане значился и не вызывал сомнений. Семен должен был выпить, чтобы снять стресс и вообще... В общем, сначала выпить.

Оставив свой внедорожный Land Cruiser на платной стоянке, он забурился в ночной клуб на Садовой, где считался завсегдатаем. Там первым делом принял на грудь подряд три дринка излюбленного «Чиваса», после чего жизнь изменила цветовую гамму. Нет, в розовом цвете она выглядеть не стала, но черный цвет сменился серобуромалиновым в крапинку.

В конце концов, главное, что он сам не попался, – рассу-

дил Семен. А чего там Зина наговорит на допросе, так это все бабушка надвое сказала. В концерне шума поднимать не будут, он им самим ни к чему. То, что Зина не успела передать флэшку, так это даже к лучшему. Получается, что никаких секретов он не знает, значит, и предъяву ему кидать не за что.

Ну да, секретные материалы раздобыть хотел, так журналисты этим и живут. Но не раздобыл же! И не опубликовал. А то, что намеревался на этом срубить бабла, так это вообще ни о чем – недоказуемо и ненаказуемо.

Единственное обстоятельство, мешавшее жизни окончательно порозоветь, упиралось в Зину. С любовницей вышло некрасиво. Именно он втянул ее в авантюру, следовательно, подставил. А затем еще и, в некотором роде, предал. Теперь ее судьба покрыта мраком неизвестности.

Но что делать? Не обращаться же в полицию, признаваясь в организации промышленного шпионажа? Тут самому можно срок схлопотать. А Зина...

Ну, выкрутится как-нибудь. Не убьют же ее за одни намерения передать флэшку с инфой. Максимум, выгонят с работы. Прессанут, конечно, изрядно, так он предупреждал о том, что дело рискованное. А за риск надо платить.

Нет, пора еще добавить вискаря. А то стремно как-то и на душе будто камень какой. А ему нужна расслабуха. Он же, считай, с боевой операции вернулся.

Семен закинул в рот четвертый стопарь, закусил бутер-

бродом с икрой, и двинул на танцплощадку обжиматься с потными телками.

* * *

Допрос Зины продолжался около двух часов. Дитц работал добросовестно и пунктуально, вытягивая из «шпионки» все подробности и самые мелкие детали. Он знал, что прокола допустить нельзя. Идея подловить на Зину, как на живца, ее сообщников, принадлежала лично ему и была, в некотором роде, самодеятельностью.

Он не согласовывал операцию с вышестоящим начальством, собираясь подать ее, как экспромт. Блестящий экспромт. И рассчитывал на большую награду. Но и наказание за провал могло быть очень суровым. Поэтому следовало выяснить все, вытащив из девки подноготную (так, кажется, в России выражаются?), и зачистить концы.

Убедившись, что методы обычного допроса исчерпаны, Дитц позвал Гавела и тот вколол девчонке АВ-13 – он же, на профессиональном сленге, «болтушка» – психотропный препарат, расслабляющий волю и развязывающий языки даже самым стойким и упертым субъектам. А Зина уж точно не входила в их число – так, обычная смазливая бабенка с претензиями на исключительность и завышенными запросами.

Вот почему операция с «болтушкой» оказалась излишней. Быстро «поплывшая» после укола Зина ничего важного к

предыдущим показаниям не добавила, разве что просветила Дитца по поводу своих личных взаимоотношений с блогером Семеном и бывшим мужем Данилиным. При этом блогера девица несколько раз обозвала козлом, а Данилина охарактеризовала, как «хороший самец» (в непечатной формулировке).

Услышав эту формулировку, Дитц решил, что затянувшийся допрос пора заканчивать. После чего сказал Гавелу, участвовавшему в процедуре на правах специалиста по медицинской части, что девушка службе безопасности больше не нужна.

– В каком смысле – не нужна? – уточнил врач.

– В прямом. Отведи ее к профессору, пусть делает с ней, что хочет. Для нас она отработанный материал, а вам для экспериментов еще сгодится. Впрочем, я уже разговаривал об этом с профессором.

Распоряжение Дитца означало, что Зина по сути приговорена к смерти. Секретность экспериментов предусматривала, что «подопытные кролики» должны затем умолкнуть навсегда – после того как пройдут все круги ада под «чутким» присмотром профессора Шмутко.

Таким образом, начальник службы безопасности не выполнил своего обещания перед Зиной. И не собирался выполнять. Наблюдая за тем, как Гавел выводит шатающуюся девушку из кабинета, Дитц подумал: «Ауфидерзейн, крошка. Этим славянам, давно перемешавшимся с азиата-

ми, нельзя доверять. Непредсказуемые люди с непонятными принципами. Да и не нужны мне больше стукачи – скоро начнутся дела поинтересней».

* * *

Вечер в ресторане прошел отлично. А ночь с опьяневшей Лизой и вовсе обещала стать божественной. Поэтому Павел не расстроился, не сумев приткнуть автомобиль во дворе дома – обычная история, когда приезжаешь поздно. Народ помаленьку привык существовать в кредит – некоторые уже и по три тачки на семью умудряются иметь, а дворы-то не резиновые. Тем более что Данилин обитал в доме еще брежневских времен, со двором, рассчитанном, в лучшем случае, на десяток «жигулей» и «москвичей» с парочкой «запорожцев» в придачу.

Круг по двору Павел все-таки сделал – а вдруг да повезет? Однако не повезло, машин набилось, как сельдей в бочке. У соседней парадной Павел даже чуть не зацепил бампер бордового джипа – тот припарковался настолько неудачно, что на полметра перекрыл и без того узкий участок проезжий части.

В автомобиле сидели два парня, и в другое время Данилин обязательно сделал бы им замечание и попросил перепарковаться. А не послушались бы – начистил бы репу, чтобы не быковали и уважали, как любят выражаться по телеку, права

других участников дорожного движения. Наглецов и хамов Павел на дух не переносил, и не только на дороге – у таких, пока в пятак не заедешь, мозги не вправятся.

Но в этот раз Данилин сдержался – не до нравоучений и разборок, когда разгоряченная Лиза под боком. Тут до постели бы скорей добраться, остальное подождет. А для начала надо куда-то тачку приткнуть.

Приткнул в итоге прямо на улице, рядом с круглосуточным магазином. Едва вылезли из машины, Лиза, потерявшая последние остатки нравственности, полезла целоваться вза-сос. Так и добирались до своей парадной рывками – два шага вперед, один шаг назад. Или как там у классика марксизма-ленинизма?

Добрались. Но в парадную так и не зашли. Лизе снова приспичило целоваться, и вот тут-то, обнимая девушку, Данилин во второй раз наткнулся взглядом на бордовый джип. Точнее, даже не на него, а на пристальный взгляд парня, сидевшего рядом с водителем. Он явно смотрел на Данилина и Лизу, а потом сразу отвернул голову.

Ничего необычного в поведении парня не было – подумаешь, загляделся на целующуюся парочку. Но Павел почему-то сразу напрягся. Впрочем, не почему-то.

Во-первых, трехдверный внедорожник Вранглер Анлимитед с вместительным багажником автомобиль в Питере не самый распространенный. И в родном дворе подобного «американца» – да еще бордового цвета – Данилин никогда

не видел.

Во-вторых, непонятно, зачем мужики сидят в навороченной тачке поздним вечером в чужом дворе. Подъехали и ждут кого-то? Скорее всего, так оно и есть. Только вот кого они упорно ждут? Уж не его ли?

Скажите, мания преследования? Да нет. Имелся третий фактор, который Павел в последние годы учитывал при любых раскладах – начиная с того самого дня, когда уволился из полиции, проработав там несколько лет агентом под прикрытием. Последняя операция Данилина, в результате которой на большие сроки загремел на зону главарь банды наркоторговцев с ближайшим окружением, не принесла ему ордена – ордена, как водится, получило начальство. Зато Павел получил глобальную проблему на всю оставшуюся жизнь.

Данилин никогда не был пугливым человеком – иначе бы не служил в спецназе морской пехоты, не участвовал в боевых действиях и не работал агентом под прикрытием. Но ему – после двух покушений наемных убийц наркомафии – приходилось опасаться за жизнь и прибегать к особым мерам предосторожности. Поэтому и привык Данилин нервно реагировать на некоторые – внешне вроде и обычные – обстоятельства. В частности, на пристальные взгляды незнакомых парней, занявших пост наблюдения в десятке метров от его парадной.

Возникшее подозрение следовало либо развеять, либо укрепить. Вариант с входением в парадную, не говоря уже

о квартире, Павел отмел сходу – там могла поджидать засада. Значит, следовало действовать иначе.

– Лизонька, топаем дальше, а то мы до утра ко мне не попадем, – прошептал Данилин в ухо девушки.

– Разве мы еще не пришли? – пьяно удивилась та.

– Нет. Мы же с тобой все время целуемся.

– Но... – Лиза отстранилась от Данилина и с недоумением посмотрела на дом. – Ты хочешь сказать, что это не та парадная?

– Хуже. Этот не тот дом. Мой дом следующий.

Лиза была не так уж сильно пьяна – скорее, просто преждевременно расслабилась. Но раньше она гостила у Павла всего один раз и в темное время суток, поэтому дом толком не могла запомнить, как и типовую парадную. На этом обстоятельстве и строился расчет Данилина. И он сработал.

– Но мы же... – неуверенно протянула девушка. – А, ладно. Веди меня, Сусанин.

– Не сомневайся, прекрасная полячка, доставлю в целости и сохранности.

Он обнял Лизу за плечи и повел по тротуару – мимо автомобиля с подозрительными парнями. В его сторону Данилин не смотрел, но сознательно давал возможность парням тщательно и спокойно разглядеть собственное лицо. Он исходил из того, что группа наблюдения должна располагать не только адресом, но и фотографией клиента – иначе какой смысл торчать у парадной? И если парни ждут кого-то дру-

гого, то они даже не почешутся. А вот если они подкарауливают именно его, Павла Данилина, то...

Парни поджидали его. Павел убедился в этом пару минут спустя, когда обогнул вместе с Лизой угол дома и остановился на тротуаре. Здесь он снова изобразил затяжной поцелуй, стоя лицом к дому. Интуиция не подвела – через несколько секунд около угла здания возникла мужская фигура и почти тут же отступила обратно.

Данилин не успел как следует разглядеть человека, разве что на автомате зафиксировал светлые брюки и такую же рубашку с коротким рукавом. Но он не сомневался – ему сели на хвост, остается лишь получить неопровержимые доказательства. Правда, прежде следовало избавиться от обузы.

– Лизонька, у меня есть к тебе чрезвычайно важный разговор, – оторвавшись от теплых и сладких губ девушки, негромко произнес Данилин.

– Какой еще... чрезвычайно важный... – невнятно проворковала Лиза.

– Ты сейчас уедешь домой. Да-да, я не шучу.

– Зачем?... Чего??? – Девушка выпятила глаза. – Какой еще «домой»?

– Пожалуйста, тише – за нами следят.

– Че-его-о??? – уже тише спросила Лиза. – Следят?

– Именно так. И если ты сейчас не уедешь, тебя могут убить. Вместе со мной.

– Че-его??? Нас убить? Кто?

– Наемные убийцы.

– Ты... шутишь?

– Все очень серьезно. Ты же знаешь, что я работал в полиции?

– Знаю.

– Ты видела у меня шрам возле лопатки?

– Видела. Ты тогда сказал, что тебя подстрелили... эти, душманы.

– Не душманы, а духи. Но я в тот раз сказал тебе неправду. На самом деле в меня стрелял наемный убийца. Около года назад. Они на меня охотятся, понимаешь?

– Кто охотится?

– Мафия.

Девушка ошеломленно покачала головой:

– Так ты не шутишь?

– Какие могут быть шутки, если речь идет о безопасности любимой женщины? Сейчас я поймаю частного, и ты поедешь домой. Поняла, моя милая?

– А ты? – От испуга она резко протрезвела. Даже язык заплетаться перестал. Вот что делает с человеком стресс.

– За меня не переживай. Я и не из таких переделок выходил. Езжай домой и не беспокойся. Чуть позже я тебе позвоню.

Профессор уже давно бы отправился домой, если бы его заранее не предупредил Маркус Дитц. Начальник службы безопасности позвонил и сообщил, что скоро в лабораторию поступит новый «пациент» – молодая женщина. Шмутко должен лично ее оформить и поместить в охраняемый блок – так посвященные в тайны БХЗ деликатно называли тюрьму для «подопытных кроликов».

– Как мы можем ее использовать? – спросил профессор.

– Как вам заблагорассудится в ваших научных целях, – ответил Дитц. – Она нам больше не понадобится. Только учтите – наружу эта девица не должна выйти. Слишком много знает.

– Все понял, Маркус, – сказал профессор. – Не сомневайтесь, оформим в лучшем виде.

Вообще-то он не подчинялся напрямую Дитцу. Деятельность секретной лаборатории курировал лично вице-президент концерна, и все основные вопросы решались через него. Но служба Дитца поставляла в лабораторию «пациентов» и, разумеется, контролировала соблюдение норм секретности и безопасности. Поэтому Шмутко предпочитал не возражать начальнику СБ без серьезных оснований.

Да и чего в данном случае возражать? Принять и оформить нового «кролика» – никаких проблем. Молодая жен-

щина – еще лучше. Правда, Дитц не уточнил, как скоро поступит «пациент», профессор же не догадался спросить. В результате ожидание растянулось, а беспокоить Дитца Шмутко не решился. Еще воспримет подобное обращение, как нахальство.

Впрочем, профессор не скучал, потому что работы хватало выше крыши. Ведь ожидался визит очень важной комиссии, от которой зависела судьба дальнейших исследований. Да и судьба самого профессора в какой-то мере. Поэтому он готовил отчет, не напрягаясь по поводу обещанной «пациентки».

Разве что посматривал изредка на часы – время все же позднее, а бутерброд нормального ужина не заменит. И с облегчением воспринял громкий стук в дверь – так обычно стучал его ассистент Гавел.

– Входи! – крикнул Шмутко.

Дверь отворилась и через порог действительно переступили Гавел. За руку он поддерживал молодую, симпатичную женщину в мини-юбке.

«Блондинка, – машинально отметил профессор. – И в самом соку. Хм... Спасибо Маркусу, „кролик“, что надо. Пожалуй, уже из-за этого стоило задержаться допоздна».

– Что с ней? – спросил он ассистента. – Кажется, она не в себе. «Болтушка»?

– Она самая. Вколол пару кубиков по приказу Дитца, чтобы развязала язык.

– Давно?

– Около часа назад.

Шмутко оценивающе посмотрел на Зину.

– Ну, тогда она еще не скоро оклемается. Посади ее... вон туда.

Гавел подвел девушку к дивану и небрежно усадил, толкнув в плечо. Зина безропотно плюхнулась на кожаное сидение, завалившись на спинку дивана, словно мягкая кукла. Раздвинутые колени задралась, обнажив тугие бедра вплоть до желтых трусиков. Шмутко инстинктивно, как кот, узревший перед собой сметану, облизнул губы и причмокнул.

– Что же, Гавел, пожалуй, ты можешь идти отдыхать. Дальше я сам справлюсь.

– Вам точно не потребуется помощь? Дитц сказал, что ее необходимо поместить в охраняемый блок.

– Я в курсе. Проведу первичный осмотр, а в бокс ее доставят санитары. Ступай, ты и так весь день на ногах. Можешь, кстати, завтра подъехать к одиннадцати – с утра экспериментов не будет.

– Как скажете, профессор. До завтра.

Шмутко кивнул. Подождав, пока помощник выйдет из кабинета, приблизился к девушке и некоторое время молча рассматривал ее. Затем пробормотал:

– Очень даже ничего. Есть за что подержаться.

Он наклонился над Зиной, провел ладонью по ее щеке и промурлыкал:

– Ну что, цыпочка, соскучилась по папочке? Сейчас я тобой займусь. Будь послушной девочкой и получишь конфетку.

Девушка вяло качнула головой, шевельнула губами, как будто пытаясь что-то произнести, но так ничего и не сказала. Лишь вздохнула глубоко. Глаза профессора блеснули. Он положил кисть руки на левую грудь Зины, выпирающую из тонкой блузки, и слегка помял, словно проверяя грудь на упругость. Засопев, громко причмокнул, что выражало высокую степень возбуждения.

А дальше случилось событие, явно не входившее в планы похотливого ученого. Зина внезапно нагнула голову и вцепилась зубами в кисть профессора. Тот вскрикнул от боли и машинально ударил девушку кулаком свободной руки в висок.

Удар оказался сильным. Зина разжала зубы и, теряя сознание, завалилась на диван.

– Черт! – воскликнул Шмутко, тряся окровавленной ладонью. – Черт! Черт! Черт! Чертова стерва! Бешенная, что ли? – Он глубоко вздохнул и, хищно раздувая ноздри, процедил: – Ну, теперь держись, шалава! Теперь я тебя разделаю, как бог черепаху. Сейчас, сейчас...

Бормоча под нос, Шмутко подошел к белому медицинскому шкафу со стеклянными дверцами, открыл их, и достал из коробки ампулу. С другой полки взял одноразовый шприц. Сняв с ампулы пробочку, выкачал содержимое ам-

пулы шприцом. И вернулся к дивану.

– Сейчас, сейчас...

Зина продолжала лежать на боку, не шевелясь, с безвольно поникшей головой. Профессор рывком перевернул ее на живот, задрал короткий подол юбки, приспустил трусики и, не церемонясь, резким движением воткнул иголку шприца в ягодицу. Садистки причмокивая, медленно ввел препарат, вытащил иголку и, шлепнув ладонью по ягодице, злорадно объявил:

– Теперь ты у меня даже не дернешься. Не хотела добром, получиай силком. Тоже мне, целка, еще ломаться надумала...

Он не довел до конца свой многообещающий монолог. На столе требовательно и тревожно загудел красный телефон. Чертыхнувшись, профессор торопливо подошел к столу и, подняв трубку, произнес:

– Шмутко слушает.

– Здравствуйте, профессор, – по-английски отозвался скрипучий женский голос. – Вам необходимо срочно прибыть на совещание в головной офис.

– Совещание? – также по-английски недоуменно протянул Шмутко. – Но, госпожа Зильберт, уже... практически ночь.

– Это не имеет значения. Совещание проводит сэр Лансерт. Мы ждем вас через двадцать минут.

Шмутко заторможено опустил трубку, в которой раздавались короткие гудки. Несколько секунд задумчиво, со злым

и одновременно растерянным выражением на лице, смотрел на стену перед собой. Потом включил селектор и рявкнул:

– Срочно ко мне! Вдвоем.

Он что-то быстро записывал в толстом журнале, когда в кабинет без стука зашли двое рослых мужчин в темно-зеленой униформе – штанах и просторных рубашках с многочисленными карманами. Зашли и молча встали у порога.

– Вот что, парни, – сказал профессор. – Заберете ее, – он мотнул головой, указывая на Зину, – и отнесете в бокс С2. Задача ясна?

– Ясна, но... – глухим басом отозвался один из санитаров. – Там же этот урод, Дракула.

– Я знаю, что там Дракула, – сухо заметил Шмутко. – Это как раз то, что нам надо. И запомните. Если вдруг эта девка начнет орать – ну, случится там чего-то – бокс не открывать, ничего не предпринимать.

– А если он ее на лоскуты порвет? Он же псих.

– Я сказал – ничего не предпринимать. Ясно?

– Ясно.

– Выполняйте. – Профессор ткнул пальцем в сторону Зины и злорадно усмехнулся.

Шмутко был мстителен. И не примитивно, как какое-нибудь убогое тупое быдло, а изощрено мстителен, как и положено творческому человеку с тонкой психической конструкцией и выдающемуся ученому. По крайней мере, именно к людям такого типа без ложной скромности относил себя сам

профессор.

Он обозлился на Зину. И ему очень понравилась идея под-сунуть девушку отмороженному Дракуле. Пусть строптивая девица на собственной шкуре почувствует разницу между утонченным интеллектуалом и сумасшедшим мужланом со звериными инстинктами.

В том, что Дракула балансирует на грани между человеческой и животной сущностью, Шмутко не сомневался. Собственно, он и придумал безымянному пациенту, доставленному в лабораторию из психиатрической клиники, такую говорящую кличку. И не без оснований.

Диагноз «ретроградная амнезия» с подозрением на сопутствующую параноидную шизофрению этому очень странно-му гражданину поставили в клинике местные эскулапы. Его нашли в лесу в бессознательном состоянии, а когда привели в чувство, то зафиксировали неприглядную картину. Гражданин был очень необщителен, почти ничего не помнил, включая собственное имя, страдал галлюцинациями и ночными кошмарами. А когда пытался что-то вспомнить, то нес натуральный бред.

Например, заявлял о том, что на планете случилась ядерная катастрофа, почти все люди вымерли, а Россия заселена мутантами и прочими монстрами. И он очень удивлен тем, что не видит этих монстров в клинике – не иначе как у него с головой временный беспорядок. Представляете?

В общем, законченный псих. Лечащий врач выдвинул вер-

сию о том, что амнезия могла спровоцировать у пациента своеобразное раздвоение личности. Он не просто забыл прошлое, а заместил собственные воспоминания историей некоего литературного или киношного персонажа, а то и сразу нескольких. В результате в больном мозгу сварилась чудовищная каша из разных фантастических сюжетов – отсюда бредовые рассуждения о ядерной войне и прочая чушь в жанре постапа. Впрочем, речь шла лишь об оригинальной версии, не успевшей обрести серьезной доказательной базы.

Больной провел в клинике около месяца без существенных подвижек к лучшему в своем состоянии. Зато, обладая громадной силой и высоким болевым порогом, он был склонен к внезапным вспышкам гнева, что доставляло персоналу очень большие хлопоты. Вот почему главврач с легким сердцем избавился от проблемного пациента, как только поступило соответствующее предложение из концерна.

Предложение, естественно, подкрепляла крупная сумма в иностранных дензнаках, но это уже малосущественные детали. Существенным являлось то, что неизвестный сумасшедший гражданин без роду, племени, имени угодил в чуткие руки профессора Шмутко. И вскоре обрел имя. Точнее, прозвище.

Это случилось после того как профессор, исследуя возможности нового «кролика», провел увлекательный эксперимент. Подопытного четыре дня не кормили, давая в день по кружке воды, а затем запустили к нему в бокс пятерку та-

ких же озверевших от голода и жажды пятнистых гиен. Для пушкого драйва каждой из гиен перед схваткой впрыснули по несколько кубиков адреналинового «коктейля».

Шмутко и Гавел, наблюдавшие за экспериментом через стекло, ожидали увидеть ожесточенный поединок не на живот, а на смерть. Однако их надежды не оправдались. «Кролик» прикончил всех гиен в течение одной минуты, проявив не только огромную силу, но и поразительную сноровку, а также стоическое отношение к боли. Убив злобных хищников, победитель буквально оторвал одной из гиен голову, напился теплой крови, затем разодрал животному брюхо и быстренько съел сердце и печень.

– Прямо Дракула какой-то, – в ошеломлении прошептал профессор, глядя на окровавленную физиономию подопытного. И прозвище мгновенно прилипло.

Позже Шмутко около десяти раз пересмотрел видеозапись невероятной схватки и каждый раз шептал в невольном восхищении:

– Да, настоящий Дракула. Просто монстр.

Беседуя потом с Дракулой, профессор поинтересовался:

– Ну как тебе сырое мясо гиен? Не противно было?

– Вполне съедобное, – без эмоций пробурчал тот. – Мне и похуже попадалось.

– Это когда же? – оживился Шмутко.

– После ядерной войны. Со жратвой у нас очень туго было.

– Ага, – сказал профессор. – Ну, тогда понятно.

Невзирая на бредовые рассуждения и признаки распада личности, профессор по-своему уважал Дракулу и даже испытывал к «недочеловеку» и «монстру» определенную симпатию. Поэтому решение отдать ему Зину родилось хотя и спонтанно, но опиралось на определенные предпосылки.

«Пусть развлечется и выпустит пар, – подумал Шмутко. – Он ведь бабу неизвестно когда последний раз в руках держал. А коли замучает ее до смерти, так стерве и надо. Спишу на издержки – наука требует жертв».

Глава вторая

Отсчет убийств

Пока что события разворачивались по плану Павла. Он поймал машину частного и отправил Лизу домой. Но еще до этого получил очередное подтверждение своим подозрениям. Пока Данилин голосовал на тротуаре, бордовый джип покинул свою стоянку, выехал со двора и припарковался на улице в сотне метрах от места, где в тот момент находились Павел и Лиза.

Данилин расценил этот незамысловатый маневр следующим образом. Неизвестные соглядатаи занервничали, когда «клиент» не захотел подниматься в квартиру, и увидев, что он ловит машину, побоялись упустить его из вида. Поэтому и переместили свой автомобиль на улицу. И не абы как, а просчитав возможное направление движения Павла – по стороне улицы, на которой тот голосовал.

Решение было, в принципе, грамотным – иначе можно и проворонить объект слежки – но в то же время и наивным. Потому что исходило из предположения, что «клиент» ничего не заподозрил. Но Данилин засек слежку намного раньше, поэтому все последующие ходы и маневры противника просчитывались им наперед и были, как на ладони. Он знал о джипе и о том, что за ним по пятам следует «топтун». Оста-

валось лишь правильно распорядиться накопленной информацией.

Отправив Лизу на частнике, Павел взял паузу. Он зашел в круглосуточный магазин, купил сигареты и зажигалку, потом демонстративно закурил около крыльца. Хотя и завязал с куревом около года назад после тяжелого ранения.

Данилин размышлял.

Он мог бы сесть в свою машину, чтобы оторваться от преследователей. Но кардинально такое действие ничего бы не изменило. Наоборот. Враги поняли бы, что он засек слежку, и стали бы действовать хитрей. А он пока что не имеет ни малейшего представления о том, кто они, и кто за ними стоит.

Пойти наконец-то домой – что являлось естественным поступком после прощания с девушкой – он тоже не мог. Это было равнозначным тому, чтобы добровольно сунуть ногу в капкан.

И бесцельно прогуливаться по улицам и дворам практически в ночное время он тоже не мог. Это выглядело бы странным и наверняка навело бы соглядатаев на подозрения. Они уже и так должны ломать голову. Мол, чего мужику надо? Привез домой девку, а заводить в хату не стал и отправил куда-то. Импотент, что ли? Или просек чего?

Следовало продумать какой-то надежный маневр, однако он упорно не хотел приходить в голову. И тут Павла осенило! – не исключено, что при помощи давно не употребляе-

мого никотина. «Позвоню ка я пока Зине, – подумал он, – раз уж она просила с ней связаться. А если не ответит, все равно изображу разговор. После чего мои действия получают мотивацию для наблюдателей».

Телефон Зины не отвечал, точнее, находился вне зоны доступа. Павел подержал трубку около уха, произнес несколько фраз, имитируя разговор, и направился к соседнему дому. Смысл его маневра заключался в следующем.

Что должны были подумать преследователи? «Клиент» переговорил с кем-то по телефону, после чего пошел не домой, а неизвестно куда. Следовательно, договорился с кем-то о встрече. При этом не сел в машину, а потопал пешком. Следовательно, встреча намечена где-то невдалеке. Остается выяснить, где и с кем.

Данилин миновал здание своей шестиэтажки и свернул во двор. У него имелось важное преимущество перед теми, кто следил за ним – отличное знание всех строений и проходов в округе. А вот его враги (не друзья же!) вряд ли могли здесь хорошо ориентироваться. Тем более – в полутьме.

Именно в полутьме, потому что до знаменитых петербургских «белых ночей» было далеко, и солнце уже село. Зато горели фонари. Но не везде. Поэтому Павел выбирал маршрут на свое усмотрение – по хорошо освещенному месту; в полутьме; по темному закоулку. А вот «топтун», увязавшийся за ним, свободой маневра не располагал, зато решения обязан был принимать быстро и порой на уровне интуиции.

Смущало Данилина одно – он не знал точных намерений врагов. Чего они хотят? Держать его под наблюдением? Задержать и допросить? Убить?

Последнее являлось самым нежелательным вариантом. На дворе уже ночь, пусть и ранняя по питерским понятиям, пешеходов с каждой минутой становится все меньше, улучшить момент для выстрела становится все проще и легче. При таком раскладе надо бы драпать во всю прыть, а не мудрить. Правда, и «языка» тогда не захватить.

Павел, однако, считал вариант убийства самым маловероятным. Уж больно неподготовленным все выглядит. Посылать на дело наемных убийц в таком приметном автомобиле? Нет, несерьезно как-то. Да и последующие действия преследователей выглядели не шибко профессионально. Хотя и дилетантами этих парней не назовешь.

Ситуация, скорее, напоминала экспромт. Кому-то срочно понадобилось обнаружить Данилина и приклеить к нему хвост. Поэтому послали к дому первых подвернувшихся сотрудников (или братков), из числа тех, кому удобнее или ближе. Потому и машина приметная. Слежку в такой не ведут, и киллеры в таких навороченных тачках не работают. Павел это наверняка знал – чай, не первый год замужем. А вот если организовывали поиск на скорую руку, тогда да, тогда вариант катит.

Да и застрелить его при сильном желании могли раньше, когда он проходил мимо автомобиля. Мешали люди во дво-

ре, собачники там всякие? Или зоркие бабульки, любящие поздним вечерком выглядывать из окон? Или Лиза в роли свидетеля, которую мочить не хотелось? Но когда прохожие и прочие свидетели мешали отмороженным киллерам наркомафии завалить клиента?

Нет, тут что-то не так. Не собирались его убивать. По крайней мере – сразу.

Данилин пересекал детскую площадку, по ходу намечая план решительных действий. Он знал, что «топтун» следует за ним на расстоянии около тридцати метров, скрываясь в тени деревьев. Ближе вряд ли подтянется, если только не решит сократить дистанцию, чтобы замочить клиента наверняка. Значит, если начнутся закоулки, на какое-то время упустит Павла из вида.

В десятке шагов от детской площадки располагалась трансформаторная будка, чуть дальше – мусорные контейнеры, загороженные примитивным забором из бетонных плит, за ним в две линии тянулись гаражи. Муниципальные власти давно точили на них зубы, да решение о сносе постоянно откладывалось. Видимо, у членов гаражного кооператива зубы тоже имелись ого-го какие.

Пространство вдоль гаражей хорошо освещалось. А вот на подходе к ним царил темень, если не считать слабенького фонаря у мусорных контейнеров. Здесь все и случилось.

Преследователь потерял Павла из вида, пока огибал трансформаторную будку. Ускорившись, обежал забор око-

ло мусорки и, по-прежнему не видя Данилина, решил, что тот направился к гаражам. Пойдя вдоль стены ближнего гаража, «топтун» осторожно выглянул из-за него в освещенный проход, но «клиент» как сквозь землю провалился. Лишь у открытой двери гаража – метрах в пятидесяти – курили и переговаривались два мужика.

Сообразить, имеют ли данные мужики отношение к «клиенту», преследователь не успел. Павел очутился у него за спиной, прыгнув с крыши гаража, и тут же захватил горло удушающим приемом. Затем поволок «топтуна» в темный проулок между проволочным ограждением и зарослями кустов.

Данилин не собирался вырубать незадачливого преследователя, рассчитывая пусть и не на продолжительный, но содержательный разговор. Однако парень оказался гоношистым и выхватил нож. Павел не стал мудрить – в подобной схватке это смерти подобно – а, усилив захват, одновременно крутнул задире голову.

В шее у того что-то хрустнуло, и тело резко обмякло. Выяснить степень повреждения и то, насколько оно совместимо с жизнью, Павлу было недосуг. Опустив парня на землю, он быстро обшарил его карманы, но обнаружил немного – сотовый телефон и удостоверение.

Зашвырнув телефон в кусты, Данилин вспомнил о том, что недавно обзавелся зажигалкой. Однако нажать на рычаг клапана – к счастью для себя – не успел. Сработал старый ре-

флекс, выработанный еще во времена службы на Северном Кавказе – не зажигай ничего в темноте, пока не убедишься в полной безопасности. Ведь на свет не только мотыльки летят.

В последний момент придержав палец на рычаге, Павел поднял голову и остолбенел. Метрах в десяти от него около забора мусорки стоял хорошо различимый в свете фонаря мужчина и держал в отведенной в сторону руке пистолет с длинным стволом. Еще через мгновение, заметив в тени кустов сторбленную фигуру Павла, незнакомец выстрелил.

Характерный для стрельбы через глушитель хакающий звук слился с треском веток куста, в который отпрыгнул Данилин. Отпрыгнул и тут же ломанулся сквозь заросли, не забываясь о маскировке. Стрелял в него мужик с пистолетом еще или нет, Павел не понял, да и не прислушивался – не на концерте скрипичного квартета в филармонии, чай. Главное, что стрелок промазал.

Выскочив из кустов вблизи старой шестиэтажки, Данилин наткнулся на собачника с четвероногим питомцем, сильно напугав обоих – что хозяин, что его четвероногий друг так и застыли, открыв рты. Ну и постоит чуток, мелькнула мысль – жизнь вообще удивительная штука.

Обогнув здание и очутившись под светом фонарей, Павел раскрыл чужое удостоверение. И прочитал: ЗАО «Тор». Вот оно что... «Чувак», значит?

Дальше читать не стал, детали в настоящий момент не

имели значения. Павел слышал это название и раньше. Закрытое акционерное общество «Тор» являлось ни чем иным, как российским филиалом широко известной в узких кругах частной военной компании «Тор», головной офис которой находился в Лондоне. На послужном счету головорезов этой ЧВК числилось много чего интересного, но в России филиал «Тора» занимался вроде бы пристойной деятельностью – охраной объектов концерна «Байофарм технолоджис».

Большинство объектов размещалось на территории города Старопетровска. В том числе и биохимзавод, где работала Зина. В народе сотрудников «Тора» прозвали «чуваками», по своему расшифровав экзотическую для России аббревиатуру ЧВК.

«Случайность? – подумал Павел. – За каким лешим я понадобился торовцам? И есть ли тут связь с БХЗ и Зиной? „Тор“ ведь не только завод охраняет. Надо обязательно связаться с Зинкой, мало ли чего. Но не сейчас. Сейчас мне понадобится машина. Моя машина, другую искать некогда. Да и где?»

Он понимал, что немного рискует, и все-таки решил вернуться к своей проверенной и надежной «Шевроле Нива». Потому что считал – шансов вновь натолкнуться на торовцев не так уж много. Они не знают точно, где он оставил свой автомобиль. Кроме того, им сейчас вообще не до Павла.

Мужик, стрелявший в него, наверняка обнаружит тело своего напарника. И попытается его забрать, не привлекая

внимания. Тем более что тот, возможно, не убит, а всего лишь потерял сознание. Следовательно, «чувак» подгонит свою тачку к гаражам, загрузит напарника и обязательно свяжется с руководством – порядок у них в ЧВК строгий, это не братки какие-то. И пока торовец будет всем этим заниматься, Павел без особых хлопот доберется до «Нивы» и уедет.

Так он рассчитал. И расчет оказался верным. Машина стояла на месте, и никто Данилина возле нее не караулил. Он отъехал на полкилометра и, первым делом, позвонил Лизе. Та ответила почти мгновенно:

– Это ты, Паша???

– Я, милая. – Данилин вовсе не кривил душой, называя девушку милой. За последний час он проникся к ней уважением. Другая давно бы истерику закатила, а эта оказалась стойкой. – Ты уже дома?

– Да, только что добралась. С тобой все в порядке?

– Почти. В меня стреляли, но отделался легким испугом.

Лиза негромко ахнула:

– Ты точно не ранен? Ты не обманываешь?

– Не обманываю. Если я и ранен, то в сердце. Мне очень жаль, что наша встреча так печально закончилась. Извини меня.

– Встреча еще не закончилась, – сказала Лиза. – Ночь лишь начинается. Приезжай, я залечу твою рану.

– Спасибо, – сказал Данилин. – Уже лечу на крыльях страсти.

Но сразу он не «полетел». В свете сложившихся обстоятельств Павлу хотелось как можно быстрее обнаружить Зину и задать ей пару вопросов. Однако телефон бывшей жены по-прежнему не отвечал. И тогда он позвонил на домашний номер. Трубку взяла мать Зины.

– Здравствуйте, Антонина Петровна, – сказал Данилин. – Это я, Павел. Не забыли еще меня?

– Я-то не забыла, хотя и пора уже, – ехидно заметила бывшая теща. – А вот чего это ты вдруг о нас вспомнил? Никак соскучился?

– Считайте, что да. Я могу переговорить с Зиной?

– Нет, не можешь. Ее нет дома.

– А когда будет?

– Не знаю, – сухо ответила Антонина Петровна. – Она у нас женщина свободная и привлекательная, может гулять, где угодно.

И не без злорадства добавила:

– Сегодня точно не придет, звони ей завтра.

– Почему вы в этом уверены?

– Потому что получила от нее эсэмэску. Там было написано: «Мама, не переживай. Ночевать не приду». Удовлетворен?

– Более чем. Извините за беспокойство.

– И тебе не хворать.

«Бывшая женоушка в своем репертуаре, – подумал Данилин, отключая соединение. – Вполне в ее духе – сначала под-

нять волну, а потом слинять. Дернула зачем-то меня, а в итоге забурилась к очередному хахалю. И в этом вся Зинка. Хорошо, что я с ней развелся. Точнее, хорошо, что она меня бросила. До сих пор бы мучился... Ладно, пора к Лизе. А торовцами с утра займусь – утро вечера мудренее».

«Займусь» вовсе не означало, что Павел собирается обратиться в полицию. Этот вариант он отбросил сразу. С чем обращаться? С тем, что он сначала придушил сотрудника иностранной фирмы, а потом скрылся с места преступления? Правда, тела вот почему-то нет. Смех, да и только.

Была и еще одна причина, из-за которой Данилин не хотел контактировать с полицией. Увольнялся он оттуда со скандалом, вдрызг разругавшись с руководством. Так что, на особенную помощь бывших сослуживцев теперь рассчитывать не приходилось. Надо расхлебывать заварившуюся кашу самому.

Проезжая по улицам ночного Петербурга Павел подумал о том, что участие в этой истории сотрудников ЧВК «Тор» объясняет некоторые странности и нестыковки. Торовцы, в первую очередь, охранники и бойцы, слежка, да и наемные убийства – не их профиль. Не исключено, что их просто подключили к операции в срочном порядке, вот они и наделали ошибок.

Впрочем, это объяснение не давало ответов на главные вопросы – почему и зачем «чуваки» устроили слежку и едва не убили Данилина? Чем же он мог так кому-то насолить? Нар-

комафия здесь явно ни при чем, та действует иначе и через другие каналы. Тогда кто при чем?

Да, он едва избежал смерти. Но надолго ли?

* * *

– Слушаю, – хриплым со сна голосом пробормотал Дитц.

– Извините, босс, что разбудил, – в трубке раздался голос Бредли. – Но у нас неприятности. Решил на всякий случай доложить.

– Чего еще случилось, лейтенант?

– Вы знаете, что был выставлен пост наблюдения у дома, где живет Данилин. Так вот, произошла накладка. Данилин, похоже, обнаружил слежку и ушел. А перед этим вырубил одного из наших. Старший группы открыл огонь на поражение, но...

– Какое еще поражение?! – рявкнул Дитц. Остатки сна слетели окончательно. – Кто приказал ликвидировать Данилина?

– Никто не приказывал, босс, так вышло, – зачастил Бредли. – Сотрудник действовал по ситуации, спасая напарника. Тот и так в тяжелом состоянии, травма шейного позвонка.

– Что с ним?

– Сейчас находится в реанимации. Вроде бы будет жить, но пока парализован.

– Болваны, – пробурчал начальник СБ. – Только между-

народного скандала нам не хватало.

– Так точно, босс, болваны. Но вы сами понимаете, что люди из «Тора» не обладают необходимой квалификацией. Привыкли сразу стрелять, если что. Да и проинструктировали их очень расплывчато.

«Болваны», – уже про себя повторил Дитц.

Он сам подключил смежников из ЧВК, чтобы побыстрее выследить Данилина. У сотрудников службы безопасности БХЗ нет полномочий для работы за пределами Старопетровска, требуется согласование. Да и добираться до Петербурга не меньше двух часов. А у «Тора» там базируется мобильное подразделение. Вот Дитц и попросил смежников оперативно выставить пост наблюдения у дома Данилина. Рассчитывал сыграть на опережение, а вышло наоборот. Теперь придется докладывать Гамильтону.

– Босс, вы меня слышите?

– Слышу. Ты все доложил?

– Не совсем. Этот русский забрал у парня из «Тора» удостоверение. Так что мы малость засветились.

– Идиоты! Они бы еще с собой личные дела прихватили.

– У них так положено по инструкции. Чтобы русские полицейские лишний раз не придирались... Да и наши люди носят удостоверения, когда ведут наблюдение.

– В Старопетровске носят, Бредли, в Старопетровске, – проворчал Дитц. – Но не в Петербурге, где у нас совсем нет прикрытия.

Вообще-то начальник СБ понимал, что возмущается зря. Сотрудники «Тора» действовали согласно служебной инструкции. А вот оперативные указания, полученные ими, и на самом деле носили расплывчатый характер. По вине Дитца, между прочим. Но кто же будет признавать собственную вину в разговоре с подчиненным?

– Так как будем действовать дальше, босс? – поинтересовался Бредли.

Начальник СБ помолчал, собираясь с мыслями.

Вроде бы простенькая операция по разработке «крота» в лице Зинаиды Корзун постепенно усложнялась, обрастая новыми обстоятельствами и действующими лицами. И это накануне чрезвычайно важных событий, на которые на днях намекнул Гамильтон, директор по безопасности концерна. Теперь надо было разгребать ситуацию, пока информация не дошла до сэра Лансерта.

– Вот что, Бредли, – принял решение Дитц. – Задача по Данилину не меняется. Надо его найти, допросить, а потом ликвидировать. Именно в таком порядке. Нам необходимо выяснить наверняка, успела ли Корзун сообщить Данилину важную информацию. Понятно?

– Понятно. Только где его теперь искать? У нас возможности ограничены.

– Утром я запрошу подкрепление у Гамильтона. Пока же будем обходиться своими силами.

– Понятно, босс, – уныло произнес Бредли. – А вдруг

Данилин снова окажет сопротивление? Парень он шустрый, служил в спецназе морской пехоты.

– В случае крайней необходимости работать на поражение. Второй раз его упустить нельзя. А что у нас по блогеру?

– Ищем. Пост наблюдения у его дома недавно выставлен. Но «объект» пока не появлялся.

– А что с телефонами?

– Номера установлены, но есть технические проблемы с подключением. Работаем, босс.

– Работайте, Бредли, работайте. А то ведь существуют страны, куда хуже, чем Россия. Зимбабве, к примеру.

* * *

Чем крепче Лифшин надирался, тем смелее становился, и произошедшее, покрываясь дымкой опьянения, уже не казалось таким страшным и непоправимым. Но одновременно с этим процессом из-за загадочных психологических нюансов человеческой души противный червячок в глубине сознания не успокаивался, а наоборот – зудел все больше. Зудел о том, что Семен есть конченный негодяй и трус, и пока он здесь оттягивается с визжащими девками, Зину, возможно, пытаются в застенках службы безопасности.

«Совесть у тебя есть, блогер хренов?» – вдруг прямолинейно спросил червячок.

«Ну тебя на хрен! – подумал Лифшин. – Надо еще доба-

вить. И по бабам».

Он подошел к бару, с трудом взгромоздился на стул и, раздвинув два пальца в знаке «V», изрек:

– Двойной. Безо льда. Сам знаешь, чего.

Бармен кивнул и, взяв бутылку, отработанным движением плеснул в стакан виски. В тот же момент на плечо Семена легла чья-то мягкая ладонь. Затем воркующий голос произнес:

– Угостишь коктейлем, юноша?

Блогер обернулся. Рядом стояла ослепительная грудастая блондинка в коротеньком платьице в обтяжку.

– Меня, кстати, Зина зовут, – добавила девица.

Лифшин вздрогнул:

– Что??? Как ты сказала?

– А чего такого? – Блондинка обиженно надула и без того накаченные губы. – Говорю – угости коктейлем девушку. Жалко, что ли?

– Я не о том, дура. Как тебя зовут?

– Нина. Я тебя, кстати, где-то видела. Ты по телеку не выступаешь?

Семен несколько секунд покачивал лысеющей головой, мучительно ловя ускользающую мысль. Потом пробормотал:

– Это знак свыше.

– Ага, свыше, – легко согласилась девица. – Так ты угостишь?

– Отвали, дура, мне некогда.

Лифшин рассержено оттолкнул нахальную барышню, едва не сверзившись со стула. Однако удержался, ухватившись второй рукой за столешницу барной стойки. Найдя глазами стакан с виски, лихо опорожнил его одним глотком. Выдохнул. И, достав из кармана мобильник, открыл меню.

Абонент отозвался не сразу, наверное, через дюжину звонков. Что, впрочем, было неудивительно – ведь шел третий час ночи.

– Алло, – наконец сердито раздалось в трубке.

– Антонина Петровна? – заплетающимся языком уточнил Семен.

– Да.

– Слушайте меня и не перебивайте...

– Слушайте меня и не перебивайте, – произнес пьяный голос. – У меня есть для вас чрезвычайно важное сообщение.

– Вы кто? – сердито спросила Антонина Корзун.

– Это не важно. Я же просил не перебивать. Так вот, уважаемая, вашу дочь похитили... Вы меня поняли?

Антонина Петровна сглотнула слюну.

– ...Поняла. Вернее, что за бред? Вы пьяны?

– Это не имеет принципиального значения. Я сообщаю вам особо секретную информацию. Вашу дочь похитили. Вчера вечером у памятника Героям Революции. Думаю, что спецслужбы. Принимайте меры. Вы все поняли, мадам?

– Слушай ты, пьяный придурок! – багровея, заговорила

Антонина Петровна. – А не пошел бы ты к черту?! И если ты еще раз попробуешь мне позвонить... Эй, урод!

Но «урод» не ответил, потому что соединение прервалось.

– Ну и debil! – в сердцах выкрикнула Антонина Петровна в пустоту. – Придурок! Пьянь недоразвитая!

Поморгав, она нашла глазами циферблат электронных настенных часов. Ну, конечно! Пьют всю ночь, а потом устраивают поганые розыгрыши. Наверное, какой-то неудачливый Зинкин хахаль. Отшила его, небось, вот и бесится со злости. Какое похищение? Зина же эсэмэску прислала... Перезвонить ей, что ли?

Антонина Петровна снова посмотрела на часы. Нет, слишком поздно, подожду до утра. Хватит того, что ей самой весь сон перебили.

* * *

На душе сразу полегчало.

– Эй, маэстро! Мне еще... – Семен поднял указательный палец. Затем, махнув рукой, залихватски объявил: – А, ладно! Еще один двойной. И лимончик.

Он обернулся налево. Через стул от него сидела давешняя роскошная блондинка и рассеянно смотрела куда-то вдаль.

– Эй, как тебя там? А, Нина!

– Чего тебе? – процедила девица. Судя по выражению физиономии и движению губ, она с трудом удержалась от слова

«козел».

– Будешь коктейль?

– Мог бы и сразу предложить, юноша. Буду, конечно.

– Маэстро, даме коктейль! – распорядился блогер. И продолжил, с трудом перебираясь на соседний стул: – Не обижайся на меня, Нинок. Проблемы, понимаешь ли, нервы. Как насчет того, чтобы... – он изобразил в воздухе загогулину, – чтобы это дело переспать?

– Сто баксов, – мгновенно отреагировала блондинка.

– А не многовато? Уже скоро утро.

– У меня рабочий день ненормированный. Могу и продлить.

– Ладно, – икнув, согласился Лифшин. – А хата у тебя имеется?

– Имеется. Вместе с хатой сто пятьдесят.

– Ого! Ну и тарифы.

– А ты свободную хату ночью попробуй найди, – резонно заметила девица. – Да еще со всем обслуживанием.

– Хм... То есть – кофе в постель?

– Будет тебе и кофе, и какао, – блондинка блеснула эрудицией. – И даже шампанское, как у аристократа.

– Тогда согласен, – сказал Семен, допивая виски. – Гулять так гулять, Зина.

– Я, вообще-то, Нина.

Блогер осовело посмотрел на девицу, силуэт которой слегка двоился, как будто отражался в воде, и многозначительно

изрек почти по слогам:

– Нина, так Нина. Это – даже – к лучшему.

* * *

Данилин сидел на маленькой кухне Лизы и пил кофе, когда в комнате запиликал смартфон. Вернее, заиграл: Шопен, «Вальс дождя». Павел очень любил эту мелодию. Но вскочил и побежал в комнату, разумеется, не для того чтобы ее послушать. Они с Лизой проснулись недавно, и практически с этого момента Данилин нервничал, пытаясь продумать план действий. Получалось, правда, плохо.

И вдруг звонок. Тревожный звонок, хотя и выражался он в лирической мелодии. Просто предчувствия у Павла были дурные. Со вчерашнего позднего вечера он постоянно ожидал если и не подвоха, то неприятных новостей. И дождался.

Он схватил трубку с прикроватной тумбочки и, не глядя на экран, выпалил:

– Слушаю вас очень внимательно.

– Павел, это ты? – взволнованный голос бывшей тещи буквально ввинтился в ухо Данилина.

– Конечно, я. Чем обязан вашему звонку, Антонина Петровна?

Он заговорил подчеркнуто сухо, так как отлично помнил вчерашний разговор и злорадствующие нотки в тоне матери Зины. Поэтому намеревался как можно быстрее закончить

разговор нынешний. Однако у Антонины Петровны имелись прямо противоположные намерения.

– Ты мне многим чем обязан, – без доли сомнения заявила она. – Ты, между прочим, неоднократно называл меня дорогой тещей. Однако речь сейчас не о том. Павел, мне кажется, что Зину похитили.

– Даже так?

– Ты иронизируешь? А мне совсем не до шуток.

Дальше, сильно волнуясь и от этого постоянно сбиваясь, Антонина Петровна рассказала о странном ночном звонке пьяного мужика и о том, что утром она несколько раз пыталась связаться с Зиной, но та не брала трубку. Тогда Антонина Петровна решила порыться на столе дочери – ну, мало ли что, может, записи какие-нибудь в ежедневнике – и совершенно случайно обнаружила, что Зина, уходя вчера утром на работу, не выключила компьютер. Торопилась, наверное.

А там, продолжила Антонина Петровна, она увидела, что Зина не вышла из электронной почты. Ну и заглянула туда, конечно – на всякий случай. И прочитала последнее сообщение Зины некоему Семену.

Тут Антонина Петровна наконец-то сделала паузу и многозначительно спросила:

– Как ты думаешь, кому писала Зина?

– Не знаю, – сказал Данилин. – Семену какому-то.

– Не просто Семену, а Семену Лифшину, – понизив голос, сообщила «дорогая теща». – Ну?

– Чего «ну»?

– Вспоминай. Семен Лифшин, ну очень популярный блоггер.

– Теперь вспомнил. Да, есть такой. Только почему вы решили, что это именно Лифшин? Там была указана фамилия?

– Фамилии не было. Но там была «иконка». Ну фотография в почтовом адресе. Я ее увеличила и узнала Лифшина – он иногда по телевизору выступает в ток-шоу разных. Толстенький такой и лысоватый. А еще Зина мне говорила, что познакомилась с этим Семеном. И он даже за ней ухаживает.

– Предположим, что это Лифшин, – сказал Данилин. – Только я не понимаю, какое отношение он имеет к пропаже Зины.

– А письмо?

– Какое письмо?

– Ты что, Павел, с похмелья? Я же сказала, что Зина отправила Семену сообщение. Там было написано, что она планирует добыть материалы сегодня. Перезвонит, когда выйдет с работы. А Семен ответил, чтобы она была осторожной. Если что, встретятся в старом месте – у памятника. Уловил?

В мозгу у Данилина что-то замкнулось. Но соединить разрозненную информацию в единое целое он не успел, потому что на пороге появилась Лиза в распахнутом махровом халате. Девушка только что выбралась из-под душа и явно намеревалась завести разговор – ведь это так естественно в

распахнутом халате. Но Данилин отчаянно замахал рукой – мол, не до тебя, уходи.

– Ты уловил, что я сказала? – повторила Антонина Петровна. – Пьяный мужик ночью упомянул о памятнике Героям Революции. Сложил дважды два, сыщик?

Данилин снова махнул рукой, и Лиза, обиженно пожав плечами, все-таки вышла из комнаты. Нет, смышленная девушка, подумал Павел. Особенно, если немного потренировать. Вот Зина, та совсем не поддавалась дрессировке.

– Сложил, – произнес он в трубку. – История и на самом деле любопытная. Только вы мне вот что скажите – вы не пытались узнать, пришла ли Зина на работу? Ведь с мобильником могло что-то случиться – разрядился, например. Вы не пробовали звонить на завод?

– Нет, не пробовала. К ним звонить бесполезно – они по телефону комментариев не дают. А мобильные трубки сотрудники сдают на проходной – вот такая у них секретность.

– Так вот вам и объяснение! – воскликнул Данилин. – Зина сдала трубку, и поэтому вы не можете с ней связаться. Все элементарно... Антонина Петровна.

– Я не такая дура, Холмс, чтобы об этом не догадаться, – иронично заметила «дорогая теща». – Я уже съездила на Биохим и побывала на проходной – пришлось на такси потратиться. Мне сказали, что Зина сегодня на заводе не появлялась.

– Ага, – сказал Данилин. И повторил: – Ага, – потому что

больше ничего не сообразил.

– Теперь понял, что ее похитили?

– Ну-у... Вы не переживайте раньше времени, это еще не факт. Вдруг она элементарно проспала, перед этим отключив мобильник. Вот проснется и все быстро прояснится...

– Ты мне мозги не компостируй, – сказала Антонинина Петровна. – Откосить хочешь от выполнения долга? Зина никогда не просыпает высокооплачиваемую работу. Ты будешь ее искать или мне обратиться в полицию?

– Не надо туда обращаться, – быстро отреагировал Данилин.

На интуиции отреагировал, словно кто на ухо шепнул. Еще ночью возникло у него ощущение, что полиция в этой запутанной истории не помощник. В особенности – полиция Старопетровска.

– Почему не надо?

– Ну-у... хотя бы потому, что заявление не примут. У вас слишком мало оснований.

– А звонок блогера разве не основание? У нас же есть свидетель похищения.

– А почему вы решили, что звонил именно блогер? Вы уверены?

– Не совсем. Просто мне показалось, что я где-то слышала этот голос.

– Это спросонья показалось? Спросонья еще и не такое покажется. Кстати, у вас сохранился номер звонившего?

– Разумеется. Только он не отвечает, я несколько раз про-
бовала.

– Ну вот, – сказал Данилин. – И нет вашего свидетеля. А по поводу блогера все на воде вилами писано. Может, и он звонил, а, может, и Вася Пупкин. В полиции вас просто отфутболят и скажут, что надо подождать день-другой. Вдруг Зина элементарно загуляла?

– То есть ты мне приказываешь сидеть и ждать несколько дней? А дочь в это время... Я не буду ждать, бессердечный ты человек!

Павел машинально кивнул. Да уж, такая точно не будет сидеть и ждать. А он, естественно, бессердечный... Данилин вздохнул. День изначально не обещал быть томным. А уж теперь...

– Чего молчишь, Данилин? Язык проглотил? Совесть у тебя есть?

– Как раз проснулась. Ждать не надо, Антонина Петровна. Давайте, я пока сам займусь этой историей. А дальше посмотрим.

– Да уж ты займись, Паша, – неожиданно мягким тоном заговорила бывшая теща. – Ты же знаешь, как я тебя уважаю. Да и кто нам теперь поможет?.. Я с тобой если надо и этот, контракт заключу.

– Обойдемся без контракта. Точнее, без договора. Я же для Зины не чужой.

– Чужой, не чужой... Мне без разницы, контракт или до-

говор. Главное, чтобы все было официально. Я даже деньги могу заплатить. У меня есть – немножко.

– Ну, если вы настаиваете... Считайте, что мы пока договорились на словах. Я сейчас же займусь этим делом, обещаю. А вы сидите дома и ждите моего звонка. Ну и Зине позванивайте – вдруг да объявится.

– Дай-то бог. – Антонина Петровна вдруг всхлипнула. – Ох, Паша, чует мое сердце беду.

– Все будет хорошо, – твердо произнес Данилин. – Я в это верю.

И для убедительности перекрестился, словно Антонина Петровна могла его видеть.

Закончив разговор, он тут же связался со старым приятелем Федором, хакером, внештатно сотрудничавшим с детективным агентством. И попросил срочно выяснить номер мобильного телефона блогера Семена Лифшина – именно официальный номер, зарегистрированный у оператора сотовой связи. Затем вышел на кухню.

Лиза с грустным лицом сидела за столом, прихлебывая из чашки кофе. Увидев любовника, уныло заметила:

– А у меня ведь сегодня выходной.

– У меня, к сожалению, нет. Ты же понимаешь...

– Понимаю. Это к твоей бывшей жене имеет отношение, да?.. Я не подслушивала, просто ты громко разговаривал.

– Немного имеет. Но это не то, о чем ты могла подумать.

– Я думаю лишь о том, чтобы тебя не убили... Позав-

тракай хотя бы, я сейчас поджарю яичницу. Ты сегодня заедешь?

– Не уверен, – сказал Павел, опускаясь на табуретку.

* * *

Зина очнулась от странного и пугающего ощущения – словно тебя медленно, но неотвратимо засасывает черная бездонная дыра. Она вскрикнула, продолжая находиться на границе забытья, открыла глаза и снова вскрикнула. Если бы смогла, то, наверное, заорала бы. Но крик от ужаса застрял в горле.

В метре от нее стоял человек – огромный, мускулистый мужчина, одетый лишь в черные трусы. Тело его было исполосовано грубыми рубцами, еще один шрам пересекал левую щеку, густо заросшую светлой щетиной. Из под выступающих надбровных дуг прямо в лицо Зины пронзительно, словно хотели просверлить, глядели мерцающие, с красноватым оттенком, глаза. Ощущение сюрреализма усиливало то, что фигура мужчины расплывалась и двоилась, будто бы он находился в туманной дымке.

Заметив, что девушка распахнула ресницы, мужчина сделал шаг и приподнял руку с растопыренными пальцами и длинными, грязными ногтями. Зине почудилось, что невероятно огромный, ужасающий своей звериной мощью, незнакомец намеревается вцепиться ей в горло. Глубоко вздохнув,

она хрипло закричала и через мгновение снова потеряла сознание.

* * *

Федор вышел на связь, когда Павел доедал яичницу. И деловито сообщил:

– Вычислил я твоего блогера, сейчас скину номер по эс-эмэс.

– Ну ты и реактивный, – восхитился Данилин. – Как ухитрился так быстро?

– Может, тебе еще коды доступа сообщить к серверам со-товых операторов? Получай номер и работай. Кстати, не забудь, что с тебя литр пива.

– А не много за такой пустячок?

– Два литра «Невского» – иначе можешь больше не обращаться.

– Намек понял, – сказал Вадим. – Но ты тогда заодно и адресок этого типа пробей.

– Уже пробил, скину вместе с номером. Кстати, у тебя к пиву вяленой корюшки не завалилось?

– Обойдешься копченой скумбрией. Говорят, улучшает мозговое кровообращение.

Данилин возлагал на поиски блогера большие надежды. В настоящий момент тот был единственной ниточкой, способной привести к Зине. Или хотя бы вывести на след и под-

сказать версию, объясняющую причины ее исчезновения. В особенности, если именно блогер звонил ночью Антонине Петровне.

Однако на первый вызов Лифшин не ответил.

«Подожду минут десять и перезвоню, – подумал Павел. – Если не откликнется, поеду к нему домой, поспрашиваю соседей. Где-то этот неуловимый Симеон все равно должен объявиться».

* * *

Лифшин проснулся от массирующей атаки: кто-то тер-бил его за плечо, громко и раздраженно приговаривая:

– Эй, Сема, хватит дрыхнуть. Ну, проснись же! Возьми мобилу, тебя какой-то мужик спрашивает.

Блогер с трудом приоткрыл веки и узрел возле кровати грудастую блондинку в прозрачной розовой ночнушке. В руке она держала «айфон».

– Ты кто? – сипло выдавил из пересохшего рта Семен.

– Конь в пальто. Нина я. Не помнишь, что ли, меня?

– Помню, – неуверенно отозвался Лифшин. – Попить при-неси.

– Сейчас. Ты трубку возьми, ответь человеку – вдруг чего срочное.

– А кто это?

– Откуда мне знать? Я же не секретарша.

– А на фига тогда вызов принимала?

– Да потому что задолбала уже твоя музыка – пиликает и пиликает: пам, пам, па-пам...

Она сильно фальшивя, и все же узнаваемо, изобразила мелодию Морриконе из фильма «Профессионал».

Семен тяжело вздохнул и протянул руку:

– Ладно, давай. А ты пока водички принеси. И это, кофе сделай.

Он забрал у девушки мобильник, полуприсел, откинувшись на подушку, и жеманно произнес:

– Аллеу? Я вас слушаю.

– Семен Аркадьевич Лифшин? – резко и требовательно спросил суровый мужской голос.

– Да, – отозвался блогер, непроизвольно выпрямляя спину.

– Наконец-то я вас обнаружил. С вами говорит замначальника отдела по раскрытию особо важных преступлений майор Корзун. Нам необходимо срочно встретиться и переговорить. Как вас найти?

– Э-э-э... – протянул Семен. – Э-э... – В его полупьяном сознании, и без того находящемся в состоянии полураспада, все окончательно смешалось, как в небезызвестном доме Облонских. – Простите, вы из какого райотдела? Я не слышал.

– Я не из райотдела. Я из областного управления. А фамилию мою вы расслышали?

– Не совсем, – соврал Лифшин.

– Моя фамилии – Корзун. Повторяю по слогам – Кор-зун.

Она вам что-то говорит?

– Простите, а кто возглавляет ваш отдел? – Семен, закосив под дурачка, продолжал придерживаться этой немудреной тактики. – Я из руководства главка МВД очень многих знаю.

– А разве я упоминал главк МВД? Я из другого ведомства – мы мелочевкой не занимаемся.

Блогер булькнул горлом и застыл, пытаясь пошевелить губами. Но внутри окончательно все пересохло – так, что язык прилип к нёбу, а гортань как будто слиплась. Лифшину показалось, что он задыхается. И тут очень кстати появилась грудастая блондинка с кружкой воды.

– Лифшин, вы чего молчите? – с подозрением спросил майор, обеспокоенный долгой паузой. – С вами все в порядке?

Семен не отозвался, жадно глотая воду. Моментально высосав всю кружку, выдохнул:

– Еще!

– Чего? – не понял майор. – Что вы сказали?

– Извините, я немного отвлекся, – сказал блогер. – Напомните, о чем вы говорили?

– Я спросил – фамилия Корзун вам ничего не напоминает?.. Чего молчите? Вы же хорошо знакомы с Зинаидой Корзун, разве не так?

Майор говорил напористо и требовательно, как, собственно, и положено сотруднику отдела по раскрытию особо важных преступлений. И Семен поддался нажиму. Он не хотел отрицать очевидного, потому что факт его знакомства с Зиной легко устанавливался. Но и подтверждать данный факт ему тоже очень не хотелось. Поэтому он выбрал промежуточный вариант, пробурчав:

– А при чем тут это?

– Значит, факт знакомства с Зинаидой Корзун вы не отрицаете? – все в той же напористой манере кавалерийской атаки спросил майор.

– Не отрицаю, – с неохотой признался Лифшин. – Но, собственно, что случилось? Почему вы меня разыскиваете?

– Да потому что ты влип, сынок, – с очень нехорошей интонацией произнес майор. Такой, что у блогера похолодело внутри.

– Зину Корзун похитили и, как мы подозреваем, убили агенты иностранных спецслужб. А ты при этом присутствовал. И у тебя есть только один шанс избежать очень серьезных неприятностей – честно рассказать все, что знаешь. Иначе я тебя в порошок сотру, – майор форсировал голос, – и кишки на задницу намотаю за гибель своей любимой племянницы! Я – дядя Зины Корзун, если ты еще не врубился...

Семен почувствовал, как покрывается холодным потом. Вот это влип так влип. Он даже не подозревал, что у Зинки дядя служит в ФСБ...

– Я – дядя Зины Корзун, если ты еще не врубился, – угрожающе произнес Данилин. – Усек, сынок?

Он наконец-то дозвонился неуловимому блогеру – уже из машины, направляясь к нему домой. А, дозвонившись, тут же припарковался, чтобы не вести беседу на ходу. Уж слишком сложный предстоял разговор, не позволявший ни на секунду расслабиться. И, пусть и не сразу, он начал приносить результат.

Семен Лифшин являлся тертым калачом. Однако Павел примерно представлял психологию подобных людей и знал, что они, как правило, трусоваты. Понтов много, а вот очко, как выражаются в народе, не железное – надо лишь правильно надавить на болевые точки. Ведь блефовать тоже необходимо с умом.

– Короче, Семен Аркадьевич, пора переходить к делу, – Данилин смягчил тон, давая блогеру чуть-чуть оклематься. А то ведь и разговор прервет с перепугу. – Мы знаем, что вы состояли в особых отношениях с Зинаидой Корзун. Мы знаем, вы стали свидетелем ее похищения. Мы знаем, что вы звонили минувшей ночью Антонине Петровне Корзун. Предлагаю встретиться и поговорить в открытую.

– Вы не можете такого знать, вы блефуете, – заявил Семен. Растерявшись, он немного приоткрылся, но не собирался открывать все карты. – Я вообще в первый раз о подобном слышу. Какое еще похищение?

– Хватит ломать комедию, подлец! – рывкнул Данилин. – Мы получили аудиозапись твоей беседы с Антониной Корзун. Компьютерный анализ показал, что на записи твой голос. Мы также ознакомились с твоей электронной перепиской и знаем, что Зинаида собирала для тебя секретные материалы. А еще мы провели анализ твоих последних передвижений – через «айфон». И знаем, что вчера вечером ты находился в Старопетровске.

Данилин выразительно вздохнул и продолжил:

– Честно говоря, я поражен вашим лицемерием и равнодушием, Лифшин. Зину захватили враги, ее пытали. Не исключено, что уже убили. А вы...

– А при чем здесь... – голос блогера дрогнул, – э-э... пытки? Я не знал, что ее...

– Не знали о том, что ее пытали? А о том, что ее похитили, все же знали?

– Видите ли... понимаете...

– Мое терпение исчерпано, – сухо констатировал Павел. – Я хотел договориться с вами по-доброму, как с умным и порядочным человеком. Но, вижу, не получается. Короче, выбирайте сами, предлагаю вам два варианта. Либо мы отвозим вас в наш изолятор для особо опасных преступников, где выдвигаем обвинения по статьям двести семьдесят пять и двести семьдесят шесть. Либо вы добровольно все рассказываете и оказываете помощь органам в разоблачении действий западных спецслужб.

– Э-э-э... А что это за статьи вы упомянули?

– Они касаются государственной измены и шпионажа.

– А-а-а... Ага. Вы, кажется, сказали, что можно договориться по-доброму. Что это означает?

– Это означает, что мы проведем с вами конфиденциальную встречу и обсудим все с глазу на глаз. Я же понимаю, что вы – лицо публичное. Да и нам лишняя огласка ни к чему. Но учтите. Это дело уже на контроле нашего директора. А к вечеру может дойти до... сами понимаете, кого. Так что, времени у нас в обрез...

– Так что, времени у нас в обрез, – сказал майор. – Выбор за вами. Даю вам десять секунд на раздумье.

– Я согласен, – выпалил Лифшин.

– На что согласны?

– На конфиденциальную встречу.

– Разумное решение. Где встречаемся – у вас дома?

Семен задумался. Он держал в уме службу безопасности концерна. Вдруг они уже вычислили его и подготовили засаду около дома? Конечно, можно предупредить об этом «чекриста», но не сейчас. Сначала надо с ним встретиться.

– Я думаю, – сказал Лифшин, – нам лучше пообщаться на нейтральной территории.

– Не возражаю.

– Тогда запоминайте адрес...

Данилин бросил взгляд на часы. Прикинул – успею доехать за полчаса, пробок сейчас мало. И тронулся с места.

Он не испытывал особого удовлетворения. Да, блогер в конце-концов поплыл и вроде бы готов к сотрудничеству. Но тип он, судя по всему, крученный. И на данный момент ничего особо значимого не сообщил – лишь подтвердил существовавшие предположения.

Самое печальное, что он, пусть и косвенно, подтвердил факт похищения Зины. С того момента прошло уже более четырнадцати часов. И одному богу ведомо, что за это время могло случиться с Зиной. Жива ли она вообще?

* * *

Блондинка сидела на кухне и сосредоточено уминала пирожное. На столе стояла кружка с водой. Лифшин залпом осушил ее и сказал:

– Чего в комнату не принесла? Я же просил.

Девушка пожала плечами:

– Не хотела тебе мешать. Мне показалось, у тебя важный разговор. И вообще...

– Что, вообще?

– Твое время истекло, Сеня. Мы договаривались до десяти, а сейчас уже...

– Я доплачу. Мне нужно у тебя побыть еще какое-то время.

– Да мне без разницы, оставайся, коли бабки имеются.

– На этот счет не сомневайся, Нинок, – сказал Лифшин. –

Только существует нюанс. Ко мне сейчас один человек подъедет...

Девушка удивленно вскинула брови:

– Это еще зачем? Я на двоих не подписывалась.

– Он не по этой части. Мы просто поговорим.

– Да мне без разницы. Можно и втроем покувыркаться.

Но тогда и тариф двойной.

– Может, потом и покувыркаемся, – рассеяно произнес Семен. – Но сначала мы с ним пообщаемся. Здесь, на кухне.

А ты в комнате посидишь. Отдохнешь, телек посмотришь.

– Я тогда лучше пока ванну приму. Если понадобится – свистнешь. Только деньги вперед – за четыре часа.

– Э-э...

– А чего ты хотел? За сверхурочную двойная такса. Или проваливай...

* * *

Дом, адрес которого сообщил блогер, оказался типовой панельной девятиэтажкой с простенькими домофонами. Данилин набрал номер квартиры, после чего пришлось ждать – домофон откликнулся только секунд через пятнадцать неразборчивым мужским голосом:

– Кто это?

– Майор Корзун, – громко и отчетливо объявил Павел. В домофоне запищало, и уже через несколько секунд Данилин поднимался в обшарпанном, скрипящем лифте на седьмой этаж.

В таком же обшарпанном коридоре с облупившимися стенами тускло горела одинокая лампочка. Дверь квартиры была обита коричневым дерматином. «Значит, деревянная, – подумал Павел. – Куда это Семен меня пригласил? Что у него здесь – тайная явка? Впрочем, это даже к лучшему. Жильцы в подобных местах привыкли ко всякому».

Он дважды нажал на кнопку допотопного звонка едва ли не советских времен. Чуть выждав, нажал еще раз. Почти тут же за дверью раздались негромкие шаги. И замерли. Видимо, человек рассматривал Павла через «глазок». Данилин приготовился к вопросу – как внизу у домофона – однако вопроса не последовало. Вместо этого еле слышно провернулась защелка, и дверь распахнулась.

В прихожей стоял толстенький, среднего роста, лысоватый мужичок в джинсах, легком, свободного покроя, пиджаке и клетчатой рубашке. «Это и есть пресловутый „популярный блогер“? – мелькнула мысль. – Хомяк какой-то. И чего Зинка в нем нашла? Совсем у девки вкус испортился».

– Семен? – спросил Данилин.

Он мельком видел Лифшина по телевизору, и, в общем-то, узнал его, но отличие от «телевизионной картинки» показалось разительным. И явно не в пользу мужичка, нахо-

дившегося сейчас в коридоре.

– Он самый, – без энтузиазма и как-то понуро отозвался блогер.

А еще от него заметно пахло алкоголем. С бодуна, значит, мужик, – констатировал Павел. Зину, значит, подставил по полной программе, а сам пустился в загул. Дерьмовый, похоже, человечешко. Что интересно, даже не спросил у меня удостоверение. Что же, нашим легче – продолжу прессовать фраера.

Небольшая прихожая имела форму квадрата, слева размещался гардеробный шкаф, за ним – дверь в комнату, справа – ванная и туалет. Рядом с туалетом – за спиной Лифшина – приоткрытая дверь на кухню.

В ванной громко играла музыка. «Не один он, что ли? – подумал Данилин. – С бабой развлекается?.. Хотя, почему обязательно с бабой? Может, бисексуал какой-нибудь. Сейчас это в тренде».

– Проходите, пожалуйста, – сказал Лифшин. – Только дверь закройте. – И, отступив к шкафу, замер.

Данилин переступил порог, захлопнул дверь, повернул защелку. А когда поднял голову, то увидел в трех шагах от себя ствол пистолета с глушителем. Но держал оружие не Семен, а парень, внезапно возникший на пороге кухни. Невыразительный такой парень в сером джинсовом костюме и с короткой стрижкой. Если в нем и было что-то примечательное, то это аккуратные рыжие усики под плоским и мятым

носом боксера.

– Стоять и не дергаться, – произнес парень. В голосе его чувствовался прибалтийский акцент.

В ту же секунду приоткрылась дверь в комнату, и оттуда выскользнул еще один парень. Примерно такой же непримечательный и неприметный, разве что повыше ростом и массивней. И с таким же пистолетом в руке. «Beretta 92FS, – машинально отметил Павел. – Явно не наши бандюки. Снова бойцы из „Тора“? Или на этот раз из службы безопасности? Или...»

– Медленно поднял руки и опустился на колени, – командовал первый боец – с усами. Видимо, он был за старшего. – И без фокусов. Если чего, стреляю сразу.

– А кто вы, собственно, такие? – демонстрируя спокойствие, произнес Данилин. Он успел сообразить, что валить его с ходу не входило в планы неизвестных. Значит, можно поволокитить. И это дает некоторый шанс.

– Вопросы здесь задаю я, – жестко отреагировал обладатель рыжих усов. – Уговаривать не буду. Прострелю коленку и сам поневоле присядешь.

– Делай, что они говорят, Корзун, – неожиданно вмешался Лифшин. Он стоял, вжавшись спиной в дверцу шкафа, бледный и потный, с трясущимися руками. – А то пристрелят. И меня с тобой заодно.

– Вот именно, – «усач» кивнул. И демонстративно опустил ствол, целя Павлу в район бедра. – Ну, мужик?! Мне

что, посчитать до трех?

– Не надо, – сказал Данилин. – Не нервничайте, парни, я человек мирный. Просто любопытно, кто вы такие. Денег у меня, кстати, мало.

Произнося это, он сначала поднял руки, а затем опустился на колени. Пока что ситуация складывалась не в его пользу. Да что там! Хреново она складывалась.

– Так-то оно лучше, – сказал «усач». – Ленц, обшарь его карманы. А ты, мужик, даже не вздумай пошевелиться. – И сделал шаг вперед.

Теперь от него до Павла оставалось около полутора метров. При некоторых обстоятельствах с такой дистанции уже можно атаковать противника. Но не в том случае, когда на тебя с разных сторон наставлены два ствола.

Ленц осторожно, не сводя глаз с Данилина, двинулся к нему. И тут произошло совершенно неожиданное. В тот момент, когда Ленц оказался между Семеном и своим напарником, на долю секунды перекрыв последнему обзор, блогер выхватил пистолет. Как сначала показалось Данилину – ПМ.

Откуда он его достал, Павел не понял. Он перестал внимательно следить за Лифшиным, списав трусливого «хомяка» со счетов. Но «хомяк» считал иначе, карауля подходящий момент, и таки подкараулил. Он выстрелил Ленцу в голову с полуметра и попал, несмотря на свои трясущиеся руки.

И хотя стрелял он на самом деле не из макарова, а из травматического пистолета «Макарыч» резиновой пулей, эф-

фект оказался убойным. В прямом смысле, потому что пуля угодила Ленцу в висок. Ленц отшатнулся и повалился на усатого бойца.

«Усач» в этот момент тоже выстрелил – в блогера, рефлексивно реагируя на его действия – но всего один раз. Второй раз не успел – во-первых, помешал падающий Ленц, а мгновением спустя в схватку вступил Павел. Он рванулся к «усачу» и дернул его за ноги. Тот при всем желании не смог бы удержать равновесия и завалился на пол вместе с телом грузного Ленца.

Падая на правый бок, «усач» непроизвольно оперся на правую руку, в которой держал оружие. Это вынужденное движение оказалось роковым и предрешило исход схватки. Данилин прыгнул противнику на спину, захватил голову и, потянув на себя, сломал ему позвоночник.

Лифшин между тем, отшатнувшись к стене, с ошумелым выражением на физиономии присел на задницу. Он явно находился в шоке – то ли из-за своего, неожиданного для себя самого, геройского поступка, то ли похмельное сердчишко не выдержало напряжения. Так или иначе Павлу было некогда искать наштасть, чтобы привести Семена в чувство.

Первым делом он подобрал беретту, выпавшую из руки «усача». Потом мельком осмотрел комнату, кухню и, на всякий случай, туалет. В ванную заглядывать не стал, а, показав на ее дверь стволом, спросил:

– Там кто-то есть?

– Ага, – Лифшин кивнул со страдальческим лицом.

– Кто?

– Бикса одна. Ну, в общем... снял я тут одну вместе с хатой. Она искупаться решила.

– Ладно, с девицами потом разберемся, – сказал Данилин. – Тебе что, плохо?

– Меня, кажется, убили, – простонал блогер. Он оторвал от плеча окровавленную ладонь и показал ее Павлу. – Вот. Я, кажется, умираю.

– Так уже убили, или пока еще умираешь? – Данилин усмехнулся. Ни малейшей жалости к паршивцу он не испытывал – только презрение. – По сравнению с этими гавриками ты выглядишь очень даже неплохо.

– А что с ними?

– Готовальня.

– Оба??? – Семен выкатил глаза. – Я же, это – из травмата стрелял. Я же...

– Один раз в год и травмат убивает, – философски заметил Павел. – Ты ему в висок угодил. Это называется – травма, несовместимая с жизнью. Меткий ты, однако, брат. В армии служил?

– Служил. Офицером, после института.

– Теперь, небось, уже старлей?

– Капитан запаса, – не без гордости сообщил Лифшин.

– Молодец. Можешь и храбрость проявить, если приспичит. А по поводу трупов – не переживай. Стопроцентная са-

мооборона, как в Севастополе. Еще и медаль дадут.

– Может, хватить шутить? – Блогер, вспомнив о ране, сморщился. – Я, между прочим, кровью истекаю.

– Кровь пустить иногда полезно. А жить ты долго будешь, не парься.

– Откуда ты знаешь?

– Такие, как ты, всегда долго живут. Дай-ка я гляну твою смертельную рану.

Рана оказалась вовсе не смертельной – это выяснилось, как только Лифшин стянул с себя окровавленный пиджак. Стонал «героический блогер» при этом так, будто с него заживо сдирали кожу. Однако Павел, осмотрев плечо, объявил:

– Пустяки. У тебя, парень, столько жира, что никакой бронежилет не нужен. Пуля только мягкие ткани задела, такое на раз-два заживает. Будешь через месяц девкам шрам показывать. Мол, бандитская пуля...

– Остришь? Ты уверен, что это не опасно?

– Не опасней, чем хламидии подхватить. Даже приятней. Сейчас я тебе полотенцем затяну, чтобы кровь остановить – и готово.

– Почему полотенцем??? – Семен вскинулся. – Здесь наверняка должна быть аптечка, ты пошарь. И вообще – вызови «скорую».

– Всему свое время. Сиди и не вставай, а то голова закружится. Я сейчас.

Данилин вышел в комнату и через минуту вернулся с двумя вафельными полотенцами. Одним перетянул блогеру руку, используя полотенце, как жгут, вторым замотал рану. Семен следил за действиями Данилина с напряженным лицом, затем спросил:

– Майор, ты почему не хочешь «скорую» вызвать? И это, полицию пора бы уже привлечь – или твою опергруппу.

Павел опустился на корточки напротив Лифшина, с мрачным выражением взглянул ему в лицо, и сказал:

– Значитца, так, Сеня. Будет тебе все – и скорая медицинская помощь, и опергруппа. Но только после того как ты искренне и четко ответишь на мои вопросы. Ответишь быстро – быстро получишь квалифицированную помощь. Будешь тянуть резину – «скорая» задержится. А надумаешь играть в молчанку – начну резать на куски.

Зрачки блогера забегали туда-сюда, словно подчиняясь такту метронома. На физиономии отразилась гамма чувств – неоднозначных и уж точно не дышащих радостью. А вот растерянность в этой гамме явно присутствовала.

– Как это понимать? – страдальчески наморщившись, спросил он. – Это что – шантаж?

– Нет. Всего лишь деловое предложение.

– Не-ет, это шантаж. – Лифшин возмущенно замотал головой. – Это незаконно. Совершенно незаконно! – он взвизгнул. – Ты за это ответишь!

– Время идет, – спокойно заметил Данилин. – И, вооб-

ще-то, я тоже тороплюсь. На все про все у нас с тобой пять минут. Мне что, сходить на кухню за ножом?

– Ты блефуешь.

– Ошибаешься. – Павел быстро ткнул стволом пистолета в раненное плечо блогера. Тот вскрикнул и отдернул руку. – Вот видишь – это не блеф. А ты, Сеня, очень боишься боли. Так что, не дури. Мне плевать на закон, тут тебе не прокуратура.

– Просто беспредел какой-то, – пробормотал Лифшин. – Ты вообще кто такой? Ты... – Он осекся. – погоди. Ты... ты не из ФСБ, верно?

– Это не имеет значения. Мне нужна информация. Выкладываешь ее, и мы расходимся. Будешь упираться – я ее из тебя вытяну вместе с кишками. Ну так что, Семен Аркадьевич, будем общаться, как на духу?

Блогер побегал глазами. Его терзали сомнения.

– Других вариантов у тебя нет, даже не надейся, – сказал Павел. – Либо я тебя прикончу, вместе с твоей подружкой в ванне, либо чистосердечное признание. А мне терять нечего – трупом больше, трупом меньше.

Лифшин тяжело вздохнул:

– Ладно, спрашивай.

– Давно бы так. Откуда здесь взялись эти парни?

– Появились перед тобой. Буквально минут за десять.

– Зачем же ты их впустил?

– Прокололся. Этот, с усами, крикнул, что он майор Кор-

зун и махнул удостоверением. Ну, я и открыл... Голова-то плохо соображает. А тут и второй подскочил.

– Стоп, – прервал Данилин. – Он представился майором Корзуном? Ты ничего не путаешь?

– Не путаю. Так и сказал – майор Корзун. Иначе бы я не открыл.

– Ерунда какая-то...

Павел подсел к телу «усача» и обшарил его карманы. Обнаружил сотовый телефон, кошелек с небольшой суммой денег, запасную обойму для беретты на пятнадцать патронов, записную книжку с маленькой шариковой ручкой внутри и портативную рацию. В заднем кармане джинсов лежало удостоверение на имя лейтенанта городского отдела полиции Старопетровска Олега Ивановича Рябцева.

– На кого удостоверение? – спросил Семен.

– Подделка. Но для лохов сгодится, чтобы внимание отвлечь. Давай дальше. Значит, ворвались они в прихожую, и что потом?

– А что потом? Сунули пистолет в харю, завели на кухню. Сначала спросили, кто я такой. Потом спросили, знаю ли я Павла Данилина. По печени пару раз врезали...

– Погоди. Кто такой Данилин? – спросил Павел.

– Я не знаю. Так и этим уродам сказал, что в первый раз слышу. Потом они начали спрашивать о Зине. Но толком я ничего рассказать не успел, потому что ты позвонил в домофон. Они велели ответить и впустить. Ну и пригрозили, что

сразу завалят, если что пойдет не так.

«Они знали о том, что с Лифшиным должен встретиться майор Корзун, – подумал Павел. – И у них имелся адрес. Не домашний адрес блогера, а девки, которую он снял. Тут даже гадать нечего – прослушали наш разговор. Либо через телефон блогера, либо через мой. Глубоко пашут, парни. И быстро».

– С этим понятно, – сказал Данилин. – Перейдем к Зине. Какие материалы она для тебя нарыла?

И он покачал перед носом Лифшина стволом. Мол, не вздумай врать.

– Секретные. – Семен втянул воздух через нос. – Я надывбал из надежных источников, что на Биохиме ведут разработку очень крутого препарата. Вроде бы связанного с генной инженерией. Я знаю, что такие разработки дорого стоят. Ну и уговорил Зину, чтобы она с сервера скачала что-нибудь ценное. Она ведь сечет в этом, по второму образованию программист.

– Я в курсе, – сказал Данилин. – Дальше.

– Она раскопала такие материалы и скинула на флэшку. Мы договорились, что вечером она передаст мне флэшку. Но не успела. – Блогер моргнул. – И я не успел вмешаться. Ее задержали практически на моих глазах. Думаю, что люди из службы безопасности.

– Понятно. Ее задержали, а ты свалил в Питер и забурился к девке.

– А что я мог поделывать? Обращаться в местную полицию – себе дороже. У концерна в Старопетровске все схвачено, начиная с мэра. И полиция подкуплена.

– Весомый аргумент, чтобы наложить в штаны. Всё расказал?

– По сути – всё. Слушай, вызови «скорую», а? У меня голова кружится. И вообще – что будем дальше делать? Трупы же... И Нинка вот-вот из ванны выйдет. Что делать-то?

– Есть у меня один план, – сказал Данилов. – Мне тут светиться ни к чему. Возьми всю эту бодягу на себя, а я смоюсь.

– В смысле???

– Скажешь, что бандиты ворвались в квартиру, а ты их обоих уделал. Кстати, Сеня, откуда у тебя травмат взялся?

– Я «Макарыча» всегда с собой ношу. Все, как положено – зарегистрирован. Когда в квартиру позвонили, я его сзади за пояс засунул – так, на всякий случай. Вообще-то у меня есть наплечная кобура для него. Но я ее снял ночью и...

– Ближе к делу, не надо подробностей, – поторопил Павел. – Они тебя что – не обыскивали?

– Обыскивали. По карманам спереди обшмонали, но «пушку» не нашли. Ну я и решил подкараулить момент. Потому что подумал – все равно грохнут. Или в свою тайную тюрьму утащат и с концом. Как и Зину.

– У них что, тюрьма есть?

– Ходят слухи.

– Учтем, – сказал Павел. – Так что там по поводу моего

предложения? Юридически здесь все чисто – стопроцентная самооборона. Ленц в тебя выстрелил, ты в ответ из травмата. Усатому свернул шею. Ты же мужик здоровый, боевыми искусствами владеешь. Верно?

Семен неопределенно повел здоровым плечом, словно пробуя напрячь бицепс, и промолчал.

– В общем, сообразишь, как подать. Был просто популярным блогером, станешь звездой блогосферы. Заметано?

Раздался характерный треск – его издала рация «усача», лежавшая на полу. Затем негромкий голос прохрипел:

– Отто, ответь. Это Богдан, слышишь меня? Прием.

Данилин подошел к рации, поднял ее и стоял несколько секунд, поглядывая на экранчик. Решившись, нажал кнопку микрофона и пробурчал намеренно невнятно:

– Слушаю.

– Вы чего там, заснули? – спросил мужской голос, пробиваясь сквозь треск помех.

– А тебе чего, Богдан? – отозвался Павел, копируя прибалтийский акцент.

– Чего? Черт, слышно плохо, музыка какая-то. У вас порядок?

– Ага.

– Парня взяли?

– Да.

– Долго вы там еще?

– Не знаю. А что?

Мужчина ругнулся:

– Слушай, Отто, я жрать хочу – мочи нет. Можно я до торгового центра смотаюсь? И в сортир заодно заскочу. Я быстро, за десять минут обернусь. Максимум за пятнадцать. А?

– Давай.

– Спасибо, Отто. Я мухой.

«Судя по словарному запасу, это россиянин. Или кто-то из братьев-славян, – подумал Данилин, отключая микрофон. – Похоже, у них там интернационал».

– Мне надо уходить, – сказал, развернувшись к блогеру. – Скорее всего, их трое. Третий, наверное, сидел в машине и видел, как я зашел в подъезд. Пока он мотается в магазин, я уйду. Иначе все осложнится. Так ты согласен на мой вариант?

Лифшин поскреб скулу, поросшую темной щетиной.

– А у меня есть выбор?

– Ты можешь рассказать полиции правду. Только боюсь, что тогда тебе придется очень долго объясняться. И героем блогосферы ты тогда уже точно не станешь. Так как?

– Ладно, риск – благородное дело. Я согласен.

– Договорились. Только не открывай никому до приезда полиции.

В ванной раздался странный шум.

– Что это? – спросил Павел.

– Фен, похоже, включила.

– Все, мне надо срочно сваливать.

– А отпечатки свои не хочешь затереть?

Данилин хмыкнул.

– Фильмов посмотрелся? Отпечатков здесь столько, что на отдельную картотеку хватит. Вообще же, никто их по квартире снимать не будет. Разве что с трупов – для идентификации личностей.

– Почему?

– Потому что все произошло в условиях очевидности. Грабители ворвались, ты их героически завалил. И точка. Прощай. Может, и не увидимся больше.

Блогер криво улыбнулся:

– Хотелось бы...

Едва Данилин вышел из квартиры, как дверь ванной комнаты распахнулась и оттуда появилась Нина – раскрасневшаяся, в коротком халатике. Какое-то время она молча стояла, в недоумении рассматривая прихожую. Затем схватилась обеими руками за голову и запричитала:

– Ох, что же ты наделал, Сеня? За каким хреном ты их замочил? Что же теперь будет?

– Заткнись, дура! – прикрикнул Лифшин. – Это грабители к тебе ворвались. Вооруженные. Сейчас все объясню.

– Грабители???

– Ага. Водишь сюда кого попало, вот, видимо, кто и навел. Хорошо, что я их встретил и разобрался. На юридическом

языке называется разбойное нападение. Ты вот что. Вызови пока «скорую». Скажи – огнестрельное ранение, человек кровью истекает. Давай, потом я тебя проинструктирую... Хотя, стой, как стоишь – у тебя поза удачная.

Он сделал «айфоном» несколько снимков и объявил:

– Все, снято. Отличный материал получается. В любой редакции с руками оторвут.

Глава третья

Охота на охотников

– Пить, пить, – сквозь забытие пробормотала Зина. Ей казалось, что она бредет в пустыне по горячему песку, и не было сил разорвать этот морок. – Пить... пить...

Вдруг она почувствовала, как кто-то приподнял ее голову и поднес к губам кружку с водой. Зина сделала несколько жадных глотков. Вода проливалась мимо рта, струйки стекали по подбородку и шее, но это было приятно. Да что там – приятно??? Возвращало к жизни!

Голову осторожно опустили и провели по лбу мокрой тряпкой. Потом обтерли лицо. Эти освежающие движения помогли Зине очнуться и вырваться из удушающих пут кошмара. Она открыла глаза и опять увидела его – страшного исполина, обезображенного жуткими рубцами. Он стоял, перебивая своей гигантской фигурой почти все пространство, и держал в руке мокрое полотенце.

Зина сдержала крик, готовый вырваться из горла. Но резко присела, подобрав ноги, и прижалась к стене. Сердце заколотилось. Нет, это не кошмарный сон и не галлюцинация. Перед ней – явь! О, господи, что все это значит???

– Не бойся меня, – глуховатым низким голосом произнес исполин. – Ты больна, тебе надо помочь.

– Я... больна?

– Да. Тебя принесли ночью. Ты была, как мертвая. Всю ночь стонала, кричала. Может, тебе ставили плохой укол?

– Плохой укол? – просипела Зина.

События вчерашнего вечера – ужасные и мучительные – постепенно всплывали в памяти девушки, обретая очертания и смысл. Ее захватила служба безопасности! Ее допрашивали. И, кажется, пытались изнасиловать. И теперь она... Где она, в тюрьме? И кто такой этот уродливый гигант?

– Да, плохой. Здесь ставят плохие уколы.

– Кто ты... – Зина кашлянула. Слова давались с трудом. – Можно еще воды?

Исполин нагнулся, поднял с пола пластиковую кружку и протянул девушке.

– Пей. Больше пей. Это выводит отраву.

Зина опорожнила кружку до дна, ощущая, как с каждым глотком проясняется в голове. И дышать стало легче, как будто в помещении повеял свежий ветерок.

– Спасибо. – Она вернула кружку. – Ты... ты вправду меня не тронешь? Мне показалось...

– Я кажусь страшным?.. Наверное, так и есть. Но тебе не надо меня бояться. Ты похожа на одну девушку, она... Это не важно. Не бойся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.